

Сама виновата

Автор:

Мария Воронова

Сама виновата

Мария Владимировна Воронова

Суд сердца. Романы М. Вороновой

Мечты судьи Ирины наконец сбылись: она больше не «разведенка с прицепом», а счастливая жена и мать двоих детей. Только после родов она сильно располнела и боится, что потеряла привлекательность для мужа. Но тут ее по производственной необходимости вызывают из декрета и поручают странное дело: сельский хирург убил всемирно известного кинорежиссера. Как могли пересечься пути этих людей из совершенно разных вселенных?

Мария Воронова

Сама виновата

Профессор Скрябин давно не виделся с профессором Велемировым и после конференции задержался у старого приятеля.

Вспоминали студенческие годы, а когда суeta в широких сводчатых коридорах утихла, Велемиров достал из шкафчика бутылку коньяку и две пузатые рюмки. Лимон им еще раньше принесла лаборантка – к чаю. Скрябин выглянул в рекреацию – разведать на предмет любопытных сотрудников, осмотрелся и с грустью покачал головой. Он работал в новой больнице типовой архитектуры и сильно завидовал другу, что тот проводит свои дни в стенах, помнящих самих Пирогова и Павлова. Его завораживали старинные стеллажи с тисненными корешками старинных книг, дубовый паркет, стулья с кожаными сиденьями и

высокие окна с частыми переборками. В простенке на мраморной колонне стоял темный медный бюст Склифосовского с тщательно вылепленными орденами, и в глазах великого хирурга Скрябину вдруг почудилась насмешка.

Что ж, он действительно за последний год ничего стоящего не сделал. Операции, обходы, тяжелые больные... Заела рутина, одним словом. Наверное, в этой академической тиши легче сосредоточиться, и идеи приходят настоящие, полновесные, достойные корифеев. Недаром Велемиров за последний год выпустил роскошную монографию, а он только две жалкие статьи. И то не сам написал, а всего лишь примазался к творчеству аспирантов.

– Слушай, а у тебя есть один способный мальчик... Фамилия такая, как у композитора вроде... Фельцман не Фельцман...

– Фельдман.

– Точно! Что-то я его сегодня не видел.

Велемиров поморщился:

– И не увидишь. Он у нас больше не учится.

– Защитился уже?

Велемиров отрицательно покачал головой и наполнил рюмки.

– Что ж с ним случилось? – спросил Скрябин, выпив. – Такой прекрасный мальчик был...

– Не потянул.

– Да ладно! – изумился Скрябин.

Он периодически сталкивался с Фельдманом на конференциях и заседаниях Пироговского общества, и парень вел себя так активно, что не запомнить его было просто невозможно. Щуплый, худенький, в очках, в безупречной сорочке и галстучке, повязанном явно маминой рукой, он выглядел хрестоматийным

отличником-выскочкой, но выступал всегда по делу, хоть и с лишним апломбом.

– Слушай, но у нас такие люди защищаются... Вчера с верблюда слез, а сегодня доктор наук уже. Фельдман по сравнению с ними так просто Пирогов воскресший.

Велемиров фыркнул:

– В твои-то годы пора уже отличать интеллект от раздутого эго!

– Ну да, он такой немножко был... С понтом под зонтом.

– Наглый инфантил, отчего-то решивший, что раз собственная мама считает его гением, то остальное человечество обязано думать точно так же. С умным видом посмотреть на результаты урографии и авторитетным тоном заявить: «Да, безусловно, определенный патологический процесс в этой почке есть», – это, знаешь ли, годится молоденьким медсестричкам пыль в глаза пускать, а таких опытных старых псов, как мы с тобой, пышными словесами не обманешь. Надеюсь.

Скрябин улыбнулся.

– Ты лучше меня знаешь, что хирург – это в первую очередь ответственность, – продолжал Велемиров, – а Фельдман хотел, чтобы он тут выкаблучивался как душа пожелает, а все за ним подтирали. Ладно, хватит уже о нем. Много чести.

Скрябину было очень интересно, что именно учудило юное дарование, потому что надо сильно постараться, чтобы вылететь из аспирантуры, имея научные публикации, но он видел, что тема эта другу неприятна.

Наверное, эрудированный парень с замашками гения был действительно несносен в коллективе и от него постарались избавиться при первой возможности.

– И где он теперь? – все-таки спросил Скрябин.

– Не знаю. Где-то.

* * *

Сквозь прорезанное в грубых досках двери сердечко виднелся кусочек голубого неба. Семен Яковлевич Фельдман загляделся, задумался и не сразу расслышал, что его зовут.

Выйдя из покосившейся будочки, он повернул щеколду, болтавшуюся на ржавом гвозде, и помахал медсестре Наташе, подпрыгивающей возле калитки. Мороз сразу ухватил его голые коленки своими острыми зубками.

Фельдман подпрыгнул и крикнул Наташе, чтобы она возвращалась в больницу, а он только наденет штаны и сразу за ней.

Семен зачерпнул горсть снега из сугроба, растер лицо и вернулся в дом.

«И чаю не попьешь с этими больными», – вздохнул он, натягивая под брюки старые мамины рейтузы.

После оттепели вдруг ударил сильный мороз. Деревья, избы – все покрылось инеем, и дым из труб словно застыл узкой белой лентой в небе.

Ясное небо без единого облачка казалось скованным холодом. Наташа убежала, и на улице ни души, все спрятались, затаились. Тишина, даже коты исчезли, жмутся к теплоте человеческого жилья.

Фельдман поплотнее запахнул тулуп и побежал, похлопывая себя по плечам. Снег громко скрипел под его ногами.

В городе никогда не бывает так холодно.

А зима ведь только началась.

В длинной деревянной избе приемного покоя было жарко натоплено. Семен с наслаждением приложил руки к печному боку, подержал немного, послушал, как гудит огонь, и только потом снял тулуп и прошел в смотровую.

Там, скорчившись на кушетке, трясся Эдмундыч, местный алкоголик и участковый милиционер. Семен с некоторым усилением вспомнил, что в истории болезни надо будет написать «Феликс Константинович Волков».

Он присел на краешек кушетки и заглянул в лицо страдальцу. Судя по синюшным губам, похмелье трепало беднягу в этот раз особенно сильно.

– Давай посмотрим, – сказал он, – что, Эдмундыч, жизнь тебя опять ничему не учит?

– Ой, не учит, Сень, – согласился участковый, стуча зубами, – хреново мне, хоть помирай.

Фельдман сочувственно поцокал языком и провел рукой по впалому животу пациента. В эпигастрии выраженная болезненность, значит, поджелудочная отреагировала гневно, это ясно и без анализа крови.

– Прокапаем тебя сейчас, а там видно будет.

Милиционер принялся благодарить, но тут вошла Наташа с заполненной историей.

– Ты только, Эдмундыч, если что, – сказала она строго, – если увидишь черта, сразу беги ко мне. Я его прогоню.

– Ничего, Наташ, мы сейчас диазепамом изгоним бесов из него, – улыбнулся Фельдман, – и спазмолитики набери сразу.

– Ты прости, доктор, что потревожил тебя...

– Ничего.

– Нажрался опять, дурак старый!

– Да уж, Эдмундыч! Враг не дремлет, а ты... Ну а с другой стороны, чем еще заниматься в этой глухомани?

– Не-не! – милиционер резко сел на кушетке. – Ты держись, Сеня! Не поддавайся этой заразе!

– Да мне вроде как и ни к чему уже, – вздохнул Фельдман и сел за хлипкий столик с облупившейся белой краской писать историю болезни, – и без водки докатился.

По-хорошему отделение психиатрии в ЦРБ давно плачет по Эдмундычу горькими слезами, но ладно уж, пусть полежит в хирургии с диагнозом «острый панкреатит». Не будем портить человеку головокружительную карьеру сельского мента.

– Как это ни к чему?

– А вот так. Знаешь, что такое еврейское счастье?

– В общих чертах.

– Ну вот... Тебе, Эдмундыч, небось полжизни пришлось колдырить, чтобы очутиться в этой дыре, а мне один раз попробовать коньяку хватило.

– Знаешь, Сень, я сюда вообще не по пьянке загремел.

– Да? – удивился Семен Яковлевич.

– Тут уже... – с трудом развел руками Эдмундыч. – С горя рюмочку-другую – и сам не заметил, как спился. Так что вот тебе живой отрицательный пример. Пока живой, – тут бедняга охнул и согнулся, – но, кажется, это ненадолго.

Семен вскочил и выглянул в коридор, не идет ли Наташа.

– Ничего, Эдмундыч, потерпи. Сейчас капельницу поставим, и полегчает.

По опыту зная, что стоит показаться в отделении на секунду, как до вечера оттуда уже не выберешься, Фельдман отдал Наташе медкарту с назначениями, а сам с неохотой оторвался от теплой печки, надел тулуп и, выскочив за тяжелую, обитую ватой дверь на улицу, как в открытый космос, побежал к дому

участкового.

Увидев его на пороге, благоверная Эдмундыча изменилась в лице.

- Все нормально, - поспешил сказать Семен, - нормально.

Сбросив в сенях валенки и тулуп, он вошел в комнату, с удовольствием ступая по чистым половикам.

Галина Михайловна, видная, статная женщина, похожая на Нонну Мордюкову, быстро накрывала на стол. Удивительная пара - настоящая русская красавица и полудохлый мужичонка, которого пьянка иссушила до состояния мумии. И вот живут как-то.

Видимо, размышления Семена о самоотверженности русских женщин отразились на его лице, потому что Галина Михайловна вдруг сказала:

- Вы не думайте, Семен Яковлевич, Феликс, когда трезвый, это лучший муж, которого можно только себе представить.

Семен из вежливости кивнул.

- Правда-правда! Иначе разве бы я за ним сюда поехала?

Он снова кивнул, а про себя подумал, что, вдохновленные примером жен декабристов, советские девушки готовы следовать за кем угодно, нашелся бы только повод пожертвовать собой. Лишь его невеста оказалась исключением, ну на то оно и еврейское счастье.

- Все-таки Россия держится на женских плечах, - сказал он.

- Ой, да ну вас! - Галина Михайловна засмеялась. - Так что там мой? Скоро оклемается?

- Недельку придется полежать.

– А что ему принести? Куриный супчик можно?

Семен покачал головой:

– Голод – первое лекарство при панкреатите, даже таком, как у вашего супруга. Я чего зашел-то, Галина Михайловна. Эдмун... То есть Феликс Константинович находится в шаге от белой горячки, и скорее он этот шаг сделает, чем нет.

– О господи!

– В общем, это само по себе ничего страшного, только у нас нет специальных условий. Максимум можем его к кровати привязать, но если он вдруг вырвется на свободу, то лучше пусть его табельное оружие побудет у меня.

– Да-да, конечно!

Галина Михайловна вскочила, вышла из комнаты и через секунду принесла пистолет, брезгливо держа его двумя пальцами за рукоятку.

– А сейф же должен быть...

– Есть, только замок сломался.

– Ну ясно. Давайте я его спрячу у себя в подполе, что ли.

Галина Михайловна улыбнулась:

– Не говорите мне где. Есть вещи, которые лучше не знать.

Семен поднялся, поблагодарил за чай и в растерянности остановился посреди комнаты.

С оружием он обращаться совсем не умел, а на сознательность Эдмундыча рассчитывать не приходилось. Может, поставил на предохранитель, а может, и нет. В школе на НВП и на военной кафедре в институте они изучали строение винтовки и автомата Калашникова, а пистолеты Фельдман видел только в кино и

на репродукциях картин, поэтому понятия не имел, приведено оружие в боевое положение или нет, и сколько там патронов, и все ли они в патроннике или один в стволе. Сейчас сунет в карман, пойдет, поскользнется, а пистолет возьмет да и выстрелит. И не увидит мама больше сына. Ну внуков-то уж точно.

- Галина Михайловна, раз уж зашел, можно позвоню?

Она кивнула и сняла со стоящего в углу черного аппарата кружевную салфеточку. Телефонов на всю деревню было три - в больнице, на почте и у участкового.

Семен набрал мамин номер, почему-то думая, что из-за мороза связь будет плохая, но с третьего раза соединилось.

- Сенечка, золотой мой, ты кушаешь хорошо? - раздался в трубке взволнованный голос мамы. - Первое готовишь себе?

Он соврал, что да, естественно, и почувствовал такую сильную тоску по маме, что едва не заплакал.

Как странно, его работа находится всего в ста километрах от Ленинграда, не расстояние по нынешним временам, и когда выяснилось, что там ему не устроиться нигде, то он согласился ехать в эту деревню именно для того, чтобы не разлучаться с мамой, хотя мог бы найти отличное место в любом другом городе. Однокурсник звал в Новороссийск, благоволивший ему преподаватель с кафедры хоть и не заступился, когда выгоняли, но поговорил с нужными людьми, и Семена ждала должность врача крупного стационара в Комсомольске-на-Амуре, только он поехал в районную больничку Ленинградской области, уверенный, что будет навещать маму каждые выходные.

К сожалению, быстро выяснилось, что единственный хирург не имеет права надолго отлучаться. Он всегда должен быть доступен, и даже если надумает пойти в ближайший лесок за грибами, то обязан прежде сообщить дежурной смене, под каким именно кустом его искать в случае чего.

А мама не могла навестить его, потому что ей дорога на перекладных была уже тяжела. Сначала электричка, потом старый тепловоз, еле тянущий несколько списанных плацкартных вагонов, почему-то нареченный местным населением

«Мичиганский экспресс», и еще четыре километра пешком от станции. Нет, мама уже не могла осилить такой путь.

Вот и получилось, что они, будучи близко друг от друга, не виделись уже несколько месяцев. Мама хотела переехать к нему совсем, устроиться в местную школу учительницей, только тогда они потеряли бы ленинградское жилье, ведь пришлось бы ей прописываться в деревне.

Ну и сельский быт, конечно... Он, молодой парень, и то еле привык, а мама... Семен тряхнул головой, отгоняя ужасное видение – мама, бредущая от колодца с двумя ведрами.

– Сеня, солнышко, ты там не мерзнешь? Не простужаешься? Рейтузики не забываешь поддевать?

– Сейчас в них.

– Умница мой! Ой, чуть не забыла, у нас же Зиночка будет сниматься в кино, представляешь?

– Правда?

– Ну да, она прошла все пробы, и вчера ее официально утвердили на главную роль в фильме самого Пахомова!

– Здорово! Передай мои поздравления. Хоть в кино ее увижу.

– Ларочка, правда, сильно волнуется, как-то, говорит, беспокойно у меня на сердце, но я говорю, не тревожься, дорогая, или у вас нет бабушки, которая подстрахует? Или мы не воспитали чудесную девочку? Да боже мой, где еще вы найдете такого ребенка, я вообще не понимаю, о чем эти киношники думали целых два месяца, это же сразу было ясно, что лучше Зиночки никто не подойдет.

– Конечно, мама!

– И это я говорю совершенно объективно, а не потому что она моя внучка.

Семен улыбнулся. Он обрадовался за племянницу, ведь сняться в кино – мечта каждого ребенка, но еще приятнее была мысль, что мама с головой нырнет во внучкины дела, станет ее возить, помогать делать уроки и отвлечется от тоски по сыну.

Повесив трубку, он потянулся к специальной тетрадке, чтобы записать время разговора и потом оплатить, когда придет квитанция, но Галина Михайловна с улыбкой убрала блокнот за спину.

- Давайте, давайте. А то мне в следующий раз будет неудобно к вам прийти.

- Доктор, в любой момент...

В конце концов он все же записал разговор, а Галина Михайловна вынесла ему старую болоньевую сумку и положила в нее пистолет.

- Вот так, доктор. Только несите осторожно.

Семен оделся и двинулся домой, держа сумку на отлете.

- Спасибо вам, доктор! – крикнула вслед Галина Михайловна. – Дай бог счастья!

- Да не за что, – буркнул он, – просто я ночью спать хочу, а не огнестрел оперировать.

* * *

Ирина еще не привыкла к новой кухне. На ее прежней квартире можно было сварить обед, не вставая с табуретки, все находилось на расстоянии вытянутой руки, а здесь – просто танцкласс. За день несколько километров намотаешь, пока снуешь между мойкой и плитой, по странному капризу архитекторов размещенных в противоположных углах. Вода капает с рук, с продуктов, так что после каждой готовки приходится мыть пол. Неужели нельзя было расположить их хотя бы по одной стене?

Ирина вздохнула. Не ценит она своего счастья, ведь все мечтают жить в старых домах. Тут высокие потолки, просторные коридоры, есть даже настоящая кладовка.

Пеленки приходится развешивать в прыжке – зато они никому не мешают, пока сохнут.

Простор – это прекрасно в том числе и потому, что ей надо больше двигаться. Не набрав вес во время беременности, Ирина быстро наверстала это упущение с кормлением. За месяц она прибавила килограммов пять, а может, и больше. Во всяком случае теперь, нагибаясь или оборачиваясь, она натыкалась на валик жира там, где раньше была пустота. И зеркало в пудренице как-то стало вдруг мало...

Что ж, утрата красоты – не такая уж большая цена за сына, главное, чтобы он был здоров, а это возможно только при полноценном грудном вскармливании, так что Ирина ела для хорошей лактации и была счастлива. Только иногда пыталась взглянуть на себя глазами молодого мужчины – и сразу сердце тревожно екало.

Должно быть, Кириллу противно ложиться в постель с разжиревшей обрюзгшей бабой, обнимать ее и вместо стройной гибкой талии ощущать так называемые спасательные круги.

Внешне он такой же любящий и нежный, как и прежде, но нельзя обманываться и принимать великодушие и деликатность за искреннюю страсть.

Она будет кормить, пока есть молоко, а потом сразу займется собой, во что бы то ни стало приведет фигуру в порядок, а пока надо быть скромнее и ни в коем случае не кокетничать с мужем, не вынуждать его заниматься любовью через силу. Сейчас она в первую очередь мать.

Ручка мясорубки, и так проворачивавшаяся туго, совсем застопорилась, пришлось открутить кольцо и чистить железные кишочки. Что ж, дорогая Ирина Андреевна, запрещаете мужу покупать на рынке – будьте готовы перекручивать жесткое магазинное мясо. И дешевле, и вы больше калорий потратите.

Белые жилы окутали решетку плотным коконом, пришлось скоблить ножом, чтоб отошло.

– Ира, ну что ты! – войдя, Кирилл отстранил ее, быстро собрал мясорубку и закрутил ручкой так, что даже стол подпрыгивал. – Ты отдыхай, пока Володя спит.

– Да я не устала.

– Кому-нибудь другому расскажи об этом.

Ирина смотрела, как из раструба мясорубки быстро выползают червячки фарша. Кирилл – настоящий богатырь, ему перемолоть килограмм жилистой коровьей плоти раз плюнуть, так же как и пол помыть, и белье развесить. Да и готовит он вкуснее.

Только он муж, отец, глава семьи и единственный кормилец, пока она сидит в декрете. Он много работает и дома должен отдыхать.

Кирилл занят тяжелым физическим трудом и не может, как какой-нибудь младший научный сотрудник, поспать на рабочем месте, как только придет такая охота. Горячий цех, в котором трудится Иринин муж, не прощает рассеянности. Одно неверное движение – и в лучшем случае изделие испорчено, а в худшем – производственная травма.

Кроме профессии, у Кирилла есть еще призвание, он талантливый поэт и музыкант, не последний человек в ленинградском рок-клубе. Правда, его рок-группа распалась, а новую он пока не сколотил, но все впереди. Разве хорошо будет, если он из-за ребенка забросит дело жизни только потому, что жена ленится и устает? Нет уж, как сидел вечерами рука к перу, перо к бумаге, так пусть сидит и дальше.

Ирина хотела кинуть в мясорубку новый кусок, но Кирилл отогнал ее. Техника безопасности. Ирина улыбнулась, вспомнив собственные детские кошмары о смолотых пальцах, которыми ее пугала бабушка. Включив газ под сковородкой, она принялась делать зажарку для супа.

Тут из старенького черно-белого телевизора, стоящего в углу, раздалась бодрая музыка заставки молодежной программы. Ирина посмотрела на экран – хоть юность ее давно прошла, но передача нравилась. Она только недавно появилась и была еще мягкая, не заостреневшая, не залакированная, еще дышала и жила, а не превратилась в собственный надгробный памятник, как часто происходит с интересными вещами в поле официальной культуры.

На экране появилась худая (ах, эта вожденная худоба) девушка в глухой черной водолазке и с темными длинными волосами, расчесанными на прямой пробор.

Ирина узнала поэтессу Полину Поплавскую и попросила Кирилла сделать погромче.

Девушке исполнилось всего двадцать два года, а она уже завоевала мировую известность, и, на взгляд Ирины, вполне заслуженно. Стихи Поплавской ей нравились, и она с удовольствием их читала, хотя обычно в толстых журналах пролистывала раздел поэзии, предпочитая прозу.

Кроме публикаций в периодической печати, у Полины вышел сборник, которого, естественно, днем с огнем было не сыскать в книжных магазинах, иногда она выступала с творческими вечерами, и билеты туда тоже было не купить, все известные Ирине девочки от десяти до шестнадцати лет со страстью переписывали стихи Полины в свои песенники, так что Ирина слегка даже удивилась, что ее любимая телепередача настолько хороша, что держит руку на пульсе эпохи и приглашает тех, кого людям действительно хочется видеть.

– Когда я думаю, что мне выпала честь выразить мысли целого поколения, – говорила Полина с экрана, – я чувствую огромный страх и огромную ответственность. Кто я такая, чтобы говорить за всех, но с другой стороны, если природа наделила меня способностями, я не имею права отказываться от своего жребия. На фестивале в Венеции было так волнительно...

– Не волнительно, а волнующе, – перебил Кирилл, так что Ирина не расслышала, что Полина говорит дальше, – уж коли ты поэт, так надо знать такие вещи.

Ирина украдкой поморщилась. Было неприятно, что Кирилл завидует, но его можно понять. Он пишет стихи другие, но, наверное, ничуть не хуже, чем

Полина, только она признанный в мире мастер слова, а Кирилл – всего лишь кузнец с нелепыми амбициями, неформал и антисоветчик.

Чтобы не выдать своих чувств, она с преувеличенным вниманием уставилась в телевизор, где теперь показывали пожилую женщину в вязаном берете.

– Полиночка с шестого класса практически была на домашнем обучении, – говорила женщина, волнуясь, – очень ранимая, болезненная, тонко чувствующая девочка. Мне сразу было ясно, что она что-то пишет, но она много лет стеснялась показать свои стихи. Таким талантливым ребятам вообще приходится нелегко, дети не любят особенных, часто стараются их оттолкнуть, а то и унижить. Мы, педагоги, конечно, шли девочке навстречу, поскольку понимали, что она уникально одарена...

Ирина взглянула на мужа. Бедняга, он даже тяжелым детством похвастаться не может, рос обычным среднестатистическим хулиганом, без всякой непонятности, без «я не такой, как все», что в последнее время стало модным.

Полнокровный уравновешенный мужик, разве может он претендовать на роль великого поэта, даже со всем своим богатым прошлым? Подумаешь, кормил семью с шестнадцати лет, служил на подводной лодке, был ложно обвинен в серии убийств и безвинно сидел в тюрьме, стоял у истоков ленинградского рок-движения и является его признанным корифеем, хоть сейчас и отошел от дел... Но он обычный, простой и понятный парень с нормальными человеческими реакциями. Уникальность с ним даже рядом не ночевала, равно как тонкость и ранимость.

Ирине хотелось посмотреть до конца, но она видела, что у Кирилла портится настроение, поэтому взяла плоскогубцы, с помощью которых они переключали каналы, так как пластмассовый тумблер давно сломался.

– Да смотри, она ж тебе нравится, – сказал Кирилл.

– А тебе нет?

– Не знаю. Что-то в ней фальшивое, как искусственные цветы.

Ирина пожала плечами. На экране появился известный поэт и принялся нахваливать Полину. Слова «открытие», «поколение», «обостренная чувствительность», «обнаженные нервы», «уникальный талант» так и сыпались из его уст.

Муж молчал, но Ирина на всякий случай убрала звук до минимума.

Она согласна с поэтом, но Кириллу, наверное, тяжело сознавать, что про него самого никто из литературного бомонда так никогда не скажет. Молодые ребята переписывают его песни с кассеты на кассету, поют под гитару и дешевое вино, но официально выразителем идей и чаяний поколения является Полина Поплавская, а вовсе не он.

И, конечно, очень хочется думать о ней как о дутой фигуре, которую вынесло наверх волной блата и интриг, и кормить свою самооценку банальностями, что настоящему таланту не пробиться никогда. Вот и выдумывает искусственные цветы. Ирина сестра тоже говорит, что в стихах Поплавской «чувствуется патология», ну так она сама страстно хотела быть поэтессой. Целый чемодан набила своими виршами, недавно только угомонилась.

Хотелось сказать Кириллу, что завидовать плохо, но тут же вспомнилось, как она сама до замужества люто ненавидела всех счастливых женщин. Такое уж это чувство, не щадит даже хороших людей.

– Не знаю, – проямлила она, – стихи красивые, искренние, страстные и с социальным протестом – все как ты любишь.

Кирилл усмехнулся, отвинтил от стола мясорубку, разобрал и бросил в раковину.

– Меня трудно заподозрить в любви к Карлу Марксу, но не могу не согласиться с ним в том, что нет большей низости, чем разрешенная смелость.

– При чем тут это?

– При том, – пояснил Кирилл, – что легко протестовать, когда знаешь, что тебе за это ничего не будет, и хорошо ругать тех, кто сам попросил тебя об этом, и объяснил, как именно надо это делать. Ира, любой работяга тебе скажет, что

при чрезмерном давлении надо стравить пар, но осторожно, через специальный клапан. Вот тебе и пожалуйста – Полина Поплавская, рафинированная девочка из хрустального замка.

Ирина помешала на сковороде лук с морковкой и добавила ложку томатной пасты. Действительно, невозможно уже игнорировать тот печальный факт, что всем хочется ругать советскую власть, и недовольных гораздо больше, чем довольных. И дело не в том, плох коммунизм или хорош, просто надоело думать из-под палки. Самое время немножко умаслить народ, показать инакомыслие и некоторое фрондерство в самой безопасной области – в области культуры. Что плохого, если советское искусство станет не только «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить»? В разумных пределах, конечно.

Но что лучше подойдет для стравливания общественного напряжения – искренний вопль человека, придавленного бетонной плитой, или жеманные возгласы красавицы, желающей привлечь к себе внимание? На крик люди чего доброго сбегутся, да и перевернут плиту, а красавице подмигнут и пойдут дальше по своим делам, только уже в хорошем настроении.

– Слушай, Кирюш, а ты не хочешь с ребятами, кстати, потусоваться?

Кирилл отрицательно покачал головой.

Но Ирина не отстала.

– А то действительно у тебя в последнее время дом – работа, работа – дом. Как у обывателя последнего. Сходи...

– Ира, я туда больше не вернусь.

– Как это?

От изумления она перестала мешать за жарку, которая немедленно пригорела. Ирина отскребла и выбросила пригоревшее, уцелевшую за жарку сгребла в кучку на середине сковороды, выключила газ. Интересно: сбылась ее мечта, муж отрекся от темного прошлого неформала, антисоветчика и гопника, можно с чистой душой избираться в Верховный Совет, как Ирина на полном серьезе

планировала, а вместо радости она чувствует только разочарование.

- Но у тебя же так здорово все получалось...

- Ир, я теперь отец семейства.

- Слушай, ты нас кормишь, обеспечиваешь всех, так что в свободное время имеешь право делать все что хочешь.

- В том и дело, что не хочу, - пожал плечами Кирилл. - Постарел, что ли.

- Не выдумывай, - отмахнулась Ирина.

- Пора уже отвинчивать колеса.

- В смысле?

- Помнишь, у Егорки на велике было сзади два дополнительных колесика, а в прошлом году я их снял? Ну так и мне пришло время самому держать равновесие. Не хочу я больше вопить, какая хреновая жизнь, особенно теперь, когда я счастлив. Да и вообще... Жизнь есть жизнь, криками ее не переменишь, только горло надорвешь.

Ирина нахмурилась:

- Ты хочешь сказать, что больше не будешь писать стихи?

- Нет, что ты. Только теперь обойдусь без пластмассовых колесиков музыки и своей дивной красоты. Пусть без этого решают люди, хороши мои стихи или плохи.

- Конечно, хороши!

Вода в кастрюле закипела, Ирина бросила туда жаренку, помешала, убавила газ и стала лепить котлеты.

– Слушай, а как люди узнают твои стихи, если ты больше не будешь петь?

Кирилл признался, что рассылает свое творчество в редакции разных журналов. Ответа пока ниоткуда не получил, но зато поссорился с товарищами из рок-клуба, обвинившими его в приспособленчестве.

Якобы он ради публикации готов предать свои убеждения и писать беззубые идеологически выдержанные вирши.

Напрасно Кирилл доказывал, что отлично зарабатывает в цеху и ему нет ни малейшей необходимости продавать душу ради куска хлеба, напрасно твердил, что молодость уходит, унося с собой желание бунтовать против несправедливости бытия, и хочется жить уже не против, а ради чего-то.

Все оказалось бесполезным. Старые приятели не желали признавать, что жизнь, в общем, очень даже неплохая штука и предоставляет море возможностей быть счастливым прямо здесь и прямо сейчас.

– Короче, – вздохнул Кирилл, – и от ворон отстала, и к павам не пристала.

– Ничего, Кирюш. Ты, главное, не бросай писать, а там оно как-нибудь образуется.

Он усмехнулся и взглянул на экран. Там снова была Полина, что-то говорила, глядя прямо в объектив.

– Когда я смотрю на нее, то думаю, что, если нас выпустят из подполья, мы погибнем, как водолазы от кессонной болезни при слишком быстром всплытии, – вдруг сказал Кирилл.

– Прости? – подняла бровь Ирина.

– Рок я имею в виду. От резкого падения давления начнется кессонная болезнь, и жизни в нас не станет. Выродимся во что-то такое невнятно-тоскливое, как Полина, и все.

* * *

Проснувшись, Ольга еще долго лежала с закрытыми глазами, прислушиваясь к себе – не удастся ли вновь провалиться в небытие. В коридоре слышались легкие шаги мамы, в кухне шумела вода, с напором бьющая из крана, звякали чашки – уютный домашний шум. Ольга приподнялась на локте, взбила подушки, снова опрокинулась на спину и зажмурилась.

Хоть бы еще десять минут... Только в комнате было слишком душно, чтоб спать, потому что муж все-таки закрыл форточку.

Неотвратно надвигался новый день.

– А я тебе принес кофе в постель, солнышко, – муж появился на пороге, держа в руках фарфоровую чашку с золотыми петухами.

Ольга растянула губы в улыбке. Муж поставил чашку на столик-торшер и ловко подоткнул подушки, чтобы жене было удобно пить кофе.

– Бутербродик принести? – он нашел под одеялом ее ногу и легонько пожал.

«Какая у него все-таки улыбка, – подумала Ольга, – мягкая, добрая... Он хороший человек».

– А принеси.

– С колбаской?

– А с колбаской.

– Секунду, солнышко.

Он убежал, а Ольга взяла чашку и подула на дымящийся кофе. По бокам чашки и на блюдечке – четыре петуха, распушили хвосты и воинственно глядят друг на друга. В детстве она так любила на них смотреть, сочиняла сказку, почему они дерутся. Даже имена давала, главному, с крошечным сколом по ободку над хвостом, – Петя, а остальным уж не вспомнить какие.

Она сделала глоток, и тут в комнату вошла мама.

- Что за барские замашки, Оля, вы тут развели?

Она пожала плечами.

- Смотри, прольешь, как будешь отстирывать? Пятна от кофе не отходят, между прочим.

- Это от чая не вывести.

- Я тебя предупредила. И чашку зачем взяли? Разобьете сейчас, а это моя любимая!

Ольга с максимальной осторожностью вернула чашку на столик. А ведь и правда, ей разрешали попить «из петухов» только в самых чрезвычайных ситуациях, когда она тяжело болела и не было гарантии, что выживет. Раза три в жизни всего, а остальное время чашка стояла в горке.

- Все, поднимаюсь.

- Да уж пожалуйста. Прекращай ты это безобразие, серьезно тебе говорю.

Ольга молча поднялась, рывком раздернула шторы и вгляделась в синее утро ленинградской зимы. Голые ветви тополей сплетались в мрачные узоры, а во дворе лежал снег, серый, как алюминиевые ложки в столовой. Вдруг зашумело, захлопало, и на дерево под самыми окнами тяжело опустилась целая стая ворон. Они каждое утро делали здесь привал по дороге на мясокомбинат, поэтому никакого знаменья тут не было, но все равно нахлынула тоска.

- Доченька, я ведь тебе только добра желаю...

- Я знаю, мама, спасибо.

- И не надо со мной сквозь зубы разговаривать, будто одолжение делаешь. Лучше посмотри, как ты зашпыняла своего мужа. Почему он перед тобой на

задних лапках должен прыгать?

Ольга пожала плечами:

- Просто любит меня и хочет сделать мне приятное.

- Смотри, заиграешься. В вашей-то ситуации, знаешь, не стоит тебе харчами перебирать.

- Хорошо, мам, не буду перебирать.

- Роди сначала, а потом перебирай.

- Мама, я поняла.

- Соберись вообще, доченька, на тебя последнее время смотреть противно. Кисель, да и все тут.

- Просто настроение плохое.

Мама фыркнула:

- Это тебя жареный петух в попу не клевал! Конечно, в жизни не видела ничего, жила на всем готовом, вот и ходишь, киснешь от всякой ерунды, не знаешь просто, какие мужья бывают. Другой давно бы тебя подбодрил, а Борис вьется: «Ах, кофеечек Олечке, ах, бутербродик!», а ты и рада. Правда, чего ж на шею не сесть, раз подставляют!

Накинув халат, Ольга вышла из комнаты. Муж стоял посреди кухни с тарелкой в руках, ждал, пока мама закончит воспитательный процесс.

Ольга засмеялась.

- Я должна тебя предупредить, что ничем хорошим это не кончится, - прошипела мама.

* * *

Длинный дом из серого кирпича будто по ошибке встал в ряду старинных особняков на набережной. Скупой фасад из однообразных, как соты, окон, первый этаж облицован черным камнем, и на козырьке широченного подъезда вывеска издательства – вот и все украшения.

И все же Полина любила бывать в этом унылом казенном здании. Она прошла сквозь единственную открытую среди множества дверей, миновала турникет, показав вахтеру пропуск, и по широкой лестнице с тоскливыми металлическими перилами поднялась на третий этаж, отвечая на приветствия встречных сотрудников кивком и улыбкой. Теперь уже с трудом вспоминалось, как четыре года назад она впервые робко переступила этот порог, ежась от страха, что сейчас ее, самозванку, выкинут вон.

Толкнув массивную, но обшарпанную дверь, Полина оказалась в приемной главного редактора.

– У себя?

– Полиночка, зачем спрашивать, – секретарша с улыбкой поднялась ей навстречу, – сами знаете, для вас Григорий Андреевич всегда у себя.

– Не занят?

– Ну что вы, дорогая, как он может быть занят для нашего лучшего автора?

Секретарша нажала на кнопку селектора пальцем с таким безупречным маникюром, что Полина невольно перевела взгляд на собственные руки. Нет, все же красить ногти – невыносимая пошлость.

– Проходите, Полиночка, только можно я вас на секундочку задержу... – Секретарша быстро достала из ящика стола новый номер журнала «Невский факел». – Вы мне книжечку не подпишете?

– Конечно, – Полина открыла журнал на странице со своим стихотворением. Все-таки фотография вышла не слишком удачная, – кому подписать?

Секретарша засмеялась:

– Как кому, Поляночка? Мне.

Полина на секунду растерялась, потому что не помнила, как зовут эту приветливую женщину.

– Вам? – уточнила она, надеясь, что у секретарши хватит такта подсказать свое имя. Увы...

– Мне, конечно! Я же ваша горячая читательница-почитательница!

«Дорогой подруге с наилучшими пожеланиями от автора», – быстро вывела Полина и прошла в кабинет Григория Андреевича.

Главный редактор на удивление органично сочетал в своей внешности художественный беспорядок и партийный лоск.

Жесткий взгляд серых глаз коммуниста смягчался интеллигентной эспаньолкой, а бюрократический костюм – шейным платком в сдержанную крапинку, затейливо повязанным вместо галстука.

Заметив, что сегодня манжеты сорочки скреплены золотыми запонками, Полина усмехнулась. Она знала, чей это подарок.

Григорий Андреевич радушно поднялся ей навстречу, приобнял, усадил на маленький диванчик, стоящий в углу аккуратно под тяжелым малиновым знаменем победителя соцсоревнования, и сам устроился рядом, закинув ногу на ногу и сцепив руки в замок на колене. Обычно в такой позе у мужчин обнажается кусочек ноги, синеватый, пупырчатый, как куриная кожа, и покрытый противными волосами, но редактор умел носить костюм, и Полина увидела только тонкую лодыжку, обтянутую носком цвета маренго. Элегантный мужчина, ничего не скажешь. На безымянном пальце правой руки обручальное кольцо, слишком широкое для мужчины, но кого это останавливает? Интересно, есть ли у него любовница и кто она? Секретарша для него слишком пожилая, да и зачем связываться, когда в его распоряжении толпы девушек, готовых за публикацию переспать хоть с чертом.

Полина усмехнулась, подумав, что и про нее наверняка ходят такие слухи.

- Ваш авторский сборник выйдет в апреле, - сказал Григорий Андреевич, - на той недельке должны быть готовы эскизы обложки, посмотрите?

- Посмотрю.

- А текст вы уже вычитали после редакторской правки?

Полина кивнула.

- Хорошо вычитали? Нареканий нет?

- Ну что вы, Григорий Андреевич...

- Ладненько тогда. - Редактор легонько похлопал ее по коленке и поднялся, стал рыться в бумагах, горой наваленных на его письменном столе. - А я про вас, дорогая Полина Александровна, дерзнул написать очерк в журнал «Молодость».

- Спасибо.

- Будете читать?

Полина покачала головой:

- Я вам полностью доверяю.

- Вот и ладненько.

Она достала из сумочки сигареты и зажигалку. Григорий Андреевич подал ей тяжелую хрустальную пепельницу с одиноким окурком и галантно поднес огонька. Полина глубоко затянулась.

Редактор нахмурился:

– Полина Александровна, вы бы бросили, пока не поздно. Послушайте меня, все-таки я вам в отцы гожусь, никогда это курение никого до добра не доводило. Вредно и неженственно.

Она пожала плечами и снова затянулась.

– Зачем вы себя убиваете раньше времени? Вы же девушка, будущая мать...

Полина с силой раздавила сигарету в пепельнице. Этого бляения она вдоволь наслушалась в школе и от бабушек на лавочке и знала, что раз уж человек завелся читать тебе лекцию, то остановить его невозможно.

– Вот правильно, бросайте, пока не прирастались, а то вдруг, не дай бог, тьфу-тьфу, как же мы без вас будем, звездочка вы наша. – Редактор, улыбаясь, забрал у нее пепельницу и быстро приоткрыл форточку, откуда сразу потянуло холодным духом замерзшей реки.

Полина тоже растянула губы в улыбке.

– Что ж, вернемся к нашим баранам. Вы скоро на сессию едете, как я слышал?

Полина кивнула. Ее брали в Литературный институт на очное отделение, но она не видела большого смысла переезжать в другой город и мыкаться там в общежитии ради того, чтобы каждый день слушать людей, которые к своим пятидесяти годам не добились даже половины того успеха, который она имела в восемнадцать. Диплом нужен только ради корочек о высшем образовании, не больше, значит, надо приложить минимум усилий к тому, чтобы его получить.

Достаточно два раза в году появляться на сессии, и хотела бы она посмотреть на того камикадзе, который посмеет сказать, что она не знает его предмет.

– Надеюсь, у вас найдется в Москве свободное времечко для интервью «Литературной газете»?

– Безусловно.

– И еще я договорился в Останкине, они тоже хотят сделать программу о вас.

– Спасибо.

Григорий Андреевич взял у нее телефон маминой двоюродной сестры, у которой Полина жила во время сессий, чтобы журналисты могли с ней связаться.

Решив, что на этом аудиенция окончена, Полина поднялась с диванчика, но редактор мягко придержал ее за талию.

– Не спешите, моя звездочка. До конца года ваш творческий вечер надо провести, осилите?

– Где?

– На Кировском заводе.

– О боже, зачем? Там же пролетариат!

– Полина Александровна, ай-ай-ай! – редактор лукаво засмеялся и погрозил ей пальцем, как ребенку.

– Да я ничего не имею против рабочего класса, только, знаете ли, предпочитаю любить их с максимально большого расстояния. И у них со мной, уверена, та же самая ситуация.

– Ах, Полиночка...

– Пока меня не разливают по пол-литровым бутылкам, я даже не смею надеяться на всплеск интереса с их стороны.

– Ну что вы, дорогая, наш рабочий класс неуклонно повышает свой культурный уровень.

– Пока его хватает только на пошлые шуточки в пьяном виде.

– Насколько мне помнится, – засмеялся редактор, – этот казус случился во вполне интеллигентном коллективе.

Полина хотела сказать, что хамов везде хватает, но тут Григорий Андреевич поморщился, и она поняла, что пора соглашаться.

– Хорошо, ладно. Будем утешаться мыслью, что для работяг этот вечер окажется таким же наказанием, как и для меня.

– Кстати о работягах. Полиночка, тут у меня есть одна любопытная рукопись... Отличные стихи, просто прелесть, и автор с хорошей биографией. Рабочий, передовик производства... То, что надо. Сейчас, где же...

Редактор стал быстро перебирать бумаги на столе.

– Специально ведь отложил к вашему приходу... А, вот. – Он протянул Полине несколько листков, схваченных большой канцелярской скрепкой. Буквы в машинописном тексте были выбиты неровно, неумело, а точки протыкали тонкую серую бумагу насквозь. Видно, руки тряслись у автора то ли с перепоя, то ли от общей беспросветности бытия.

– Думаю включить в сборник молодых авторов «Невские этюды».

Полина пожала плечами, мол, мне какая разница.

– А вас бы попросил представить начинающего поэта.

– Зачем?

– Сами посудите, не могу же я поставить в серьезный сборник никому не известного товарища без единой публикации! Только к молодежи пока, но среди их графомании он затеряется, что было бы обидно, а ваша рекомендация, Полина Александровна, дорогого стоит.

Она заставила себя скромно потупить. Впрочем, действительно пора завести себе протеже. Все настоящие корифеи опекают молодых. Полина улыбнулась:

– Григорий Андреевич, вы же знаете, что я не могу вам отказать.

– Выберите, пожалуйста, два-три лучших, на ваш взгляд, стихотворения и на полстранички буквально напишите что-нибудь хорошее об авторе – какой он замечательный и талантливый, а краткую биографию мы сами наваяем. Ладненько?

Полина пролистнула коротенькую рукопись и на последней странице заметила данные автора, размашисто написанные карандашом. Адрес, телефон и имя: Мостовой Кирилл Вениаминович.

Она небрежно бросила бумаги в свою холщовую сумку-ягдташ и улыбнулась.

Что ж, посмотрим, совпадение это или судьба.

На обратном пути она заглянула в редакцию толстого журнала, где почти в каждом номере публиковали ее стихи.

Тетки усадили за стол возле окна и захлопотали насчет чая, как взлощенные курицы. Такое впечатление, что до ее прихода они изнывали от безделья и обрадовались не столько ей, сколько возможности хоть чем-то занять себя.

На широких подоконниках большой комнаты буйно росли цветы, настоящие джунгли. Вилось по оконной раме, блестя плотными изумрудными листьями, восковое дерево, и бледные лучи солнца застревали в густой листве лимонных деревьев. На другом окне плотно стояли горшки с традесканциями, на шкафу горел пурпурными цветами декабрист, а рабочие столы щетинились маленькими кактусами.

То ли кабинет, то ли оранжерея, так сразу и не поймешь. Присмотревшись повнимательнее, Полина заметила, что земля в горшках совсем сухая, листва поникла, и даже стойкие выносливые кактусы уже не так бодро топорщат свои иголки.

Цветами занималась Наталья Моисеевна, но теперь ее нет, а дополнительные заботы никому не нужны. Так, полиют раз в недельку, но никто не станет удобрять, подкармливать, обрезать и пересаживать, и растения скоро захиреют и одно за другим отправятся на помойку, а комната станет обычным рабочим

кабинетом, в котором ничто не напомнит о Наталье Моисеевне. Вот и хорошо.

Полина улыбнулась.

Тем временем тетки извлекли из нижнего отделения шкафа электрический чайник, спрятанный там от пожарного надзора, и сорвали целлофан с коробки шоколадных конфет «Ассорти». При названии, обещающем разнообразие, все конфеты имели одинаковый вкус гуталина, видимо, подношение начинающего робкого автора, не имеющего пока доступа к дефициту.

– Ну что, девочки, садимся, – сказала старшая редакторша, и Полина поморщилась.

Какие девочки, всем по сорок лет, но все еще думают, что кого-то способны привлечь своими подгнившими прелестями. Еще красятся, одеваются, как им кажется, стильно и со вкусом и не видят, что от этого только хуже. Неужели они искренне считают, что мужья все еще их любят? Да нет, понимают, наверное, что мужья живут с ними из чувства долга, преодолевая отвращение, но ни за что не признаются в этом ни им, ни самим себе. Господи, какая у них у всех жалкая и скучная жизнь...

Ничего не видели, ничего не знали, не любили по-настоящему, так, копошились в грязи повседневности, а сейчас вьются вокруг нее, как попрошайки, чтобы получить хоть крошечку ее таланта и ее счастья.

Полина пригубила отдающего веником чаю, а конфету брать не стала. Пусть видят, что она такую дрянь не ест.

– Может, вам пирожных из буфета принести? – спросила старшая редакторша. – Сегодня чудные буше, хотите, Светочка сбегает?

Подумав, Полина сказала, что не нужно.

– Смотрите, для нас ведь радость за вами поухаживать.

Полина не ответила и посмотрела в угол за дверью, где высилась внушительная башня коробок с письмами. Как знать, не затесался ли среди народного

творчества конверт от Мостового? И сколько он будет там лежать, прежде чем попадет на стол редактору, а оттуда, скорее всего, в мусорную корзину.

Кажется, у нее в сумочке лежит не первый экземпляр, да и без этого ясно, что Кирилл рассылает свои стихи во все издательства и редакции журналов по принципу коврового бомбометания, чтобы хоть откуда-то получить ответ. Ведь в редакциях никуда не спешат, будто у гениальных авторов впереди вечность не только в метафорическом смысле.

Судьба благоволила ему, каким-то непостижимым образом стихи попали на стол главреда книжного издательства и включены в сборник, но одного этого мало для признания. Нужно подкрепить публикацией в журнале.

– Девочки, – Полина постаралась, чтобы это прозвучало без сарказма, – а если я вам принесу стихи одного молодого поэта, вы посмотрите?

Тетки сразу загалдели, как старые жирные чайки, наперебой уверяя ее, что мнение Полины Поплавской для них свято и стихи молодого поэта уже считают что опубликованы.

* * *

В операционной Семен не заметил, как рассвело и настал ясный студеный день.

То ли в этом году зима выдалась необычайно морозной, то ли он, живя в городе, просто не знал, как оно бывает на природе.

Семен сел записать протокол операции, но сияющая красота утра заворожила его, и он приткнулся к окну, почти сплошь затканному затейливым морозным узором. В маленький свободный кружочек были видны заснеженные дома, стоящие рядом вдоль дороги, уходящей в широкое белое поле. Ворона клевала алые ягодки с невысокой рябинки и каркала, по дороге деловито пробежал серый толстый кот, держа хвост трубой. Вдалеке показалась маленькая человеческая фигурка, перехваченная крест-накрест пуховым платком. Семен узнал почтальоншу.

Хватит глазеть, пора за работу, но он никак не мог заставить себя оторваться от окна.

Сегодня он ушил прободную язву, пик мастерства для районного хирурга. По хорошему надо было сделать резекцию, поскольку после перфорации прошло намного меньше шести часов, но Семен не отважился. В себе он был уверен, но разве можно подвергать пациента серьезной операции, когда тебе ассистирует акушер-гинеколог, а наркоз дает палатная медсестра? Нет, в полевых условиях только минимум.

Так и его жизнь пройдет по минимуму, в самых стандартных и рутинных операциях. Аппендицит, ну, грыжа, ну, спленэктомия... И это еще яркие пятна, пики профессиональной деятельности, а на каждый день панариции и прочие гнойники.

Боже, какая тоска! Ведь он готовился к совсем другой судьбе и уже почти жил ею, почти победил, почти освоился, и видел на много лет вперед, как оно будет, но все перевернул жалкий глоток коньяка.

Оказавшись в глухой деревне вместо кафедры, Семен не то чтобы растерялся, но, грубо вырванный из своей настоящей жизни, никак не мог освоиться в этой и жил будто в полусне, будто понарошку, не сам собой, а словно играя чужую роль, которую навязали ему против воли.

Казалось, что все происходящее – сон и морок, и скоро он вернется домой не только в пространстве, но и во времени, окажется в том роковом дне и все исправит.

Эта надежда, хоть и несбыточная, помогала ему просыпаться каждое утро и не выть от тоски, а отправляться на работу.

Лишь иногда находило острое и мучительное отчаяние, когда он понимал, что все всерьез и по-настоящему. Жизнь проходит именно сейчас и именно здесь. Он навеки отлучен от прекрасного мира большой хирургии и науки и будет гнить здесь, грубеть и деградировать.

Панибратствуя с мужиками, он сам не заметит, как превратится в такое же быдло, от безнадеги воплотит в жизнь самый страшный мамин кошмар, то есть

женится на местной медсестре, и тогда совсем конец.

Семен представил себе, как живет с Наташей, и скрипнул зубами.

Прислонился к ледяному стеклу лбом и подышал.

Надо думать о чем-то хорошем, чтобы снять этот спазм отчаяния.

Например, о том, что резекцию желудка ему на кафедре все равно никто не дал бы сделать самостоятельно. Профессор с доцентом стояли бы над душой, подсказывали, а Велемиров обязательно бы вырвал из рук инструмент посреди операции и отправил на место ассистента. На кафедре была толпа няnek и контролеров, а тут он царь и бог. «Угу, – мрачно вздохнул Семен, – царь фурункулов и бог белой горячки. Но хоть бы и в этих узких рамках, а я сам принимаю решения, чего на кафедре не мог в принципе. Наверное, самостоятельность полезна, только сейчас не те времена, когда доктор из глубинки мог своим талантом покорить столицу. Если уж попал в задницу, то шиш выберешься, будь ты хоть Пирогов. Эх, надо было ехать в Комсомольск-на-Амуре... Мама сейчас так занялась Зиночкиными актерскими делами, что про сына и не вспомнит, пока на премьеру фильма не понадобится бы ее вести».

Семен улыбнулся. У него всегда поднималось настроение, когда вспоминал племянницу, такая уж она была радостная девчонка. Интересно, на кинолентке будет видно ее обаяние или пропадет? Да нет, не должно, Пахомов – действительно великий режиссер, и человек, кажется, хороший, Лариса с мамой прямо молятся на него. Мама рассказывает, что и он Зиной очень доволен, говорит, что у нее настоящий талант, и предрекает девочке большое будущее. Слава богу, хоть кого-то в их незадачливой семье ждет успех.

Почтальонша приближалась, неуклюже переставляя ноги в высоких светлых валенках.

День вдруг потускнел, пронзительная голубизна неба полиняла, и душу внезапно затопила серая, как цемент, тоска, даже во рту сделалось горько. Почему-то Семен понял, что почтальонша идет к нему.

Прямо в операционном белье он выбежал на крыльцо, накинув поверх тулуп.

Почтальонша молча протянула ему бланк телеграммы, и Семен взял, уже зная, что там написано. Мама умерла.

* * *

Отправив Кирилла гулять с Володей, Ирина бросилась мыть полы. Пусть она сама пока далека от идеала женской красоты, но хотя бы квартиру надо привести в идеальное состояние. Она взглянула на висящий за окном термометр. Минус семь, вполне подходящая погода для гуляния, может, она еще и пироги успеет поставить, пока никого нет.

Ирина прополоскала в ведре мешковину, тщательно выжала, согнулась и принялась дальше тереть пол. Хотелось сесть на корточки, но это неправильно. Настоящие женщины моют пол только в положении оленя, пьющего из колодца, а накрутить тряпку на швабру – вообще кощунство. Подобную халтуру могут себе позволить исключительно уборщицы в казенных учреждениях, а «для себя» только так – ручками, ручками.

«Хоть грамм сто сброшу», – вздохнула Ирина, стараясь не чувствовать боли в спине.

Был большой соблазн вместо уборки записаться в парикмахерскую и превратить схваченный аптечной резинкой хвост в нормальную прическу, дома накраситься, надеть красивое платье из тех немногих, которые еще налезают, и так встретить с прогулки мужа и сына. Только с этими валиками жира она сейчас выглядит в халатике просто плохо, а покрашенная и разряженная будет еще смешно и нелепо. Лучше подчеркнуть свои достоинства как матери семейства. Пусть я стала старая и страшная, но я родила тебе сына и веду твой дом, вот что сейчас важно, и ты, Кирилл, должен это ценить больше тонкой талии.

Ирина отвела волосы со лба. От руки шла неповторимая вонь старой дерюги.

Вчера Кириллу звонила какая-то девушка, пока его не было дома. Ирина подняла трубку и, зная, что спрашивать по телефону, кто это, дурной тон, сказала: «Кирилл еще нет, что ему передать?» Девушка ответила так же вежливо: «Спасибо, ничего, я позвоню позже», – и положила трубку.

На девяносто девять и девять десятых процента это совершенно ничего не значило, но Ирина, как ни старалась, не могла выкинуть странный звонок из головы. А хуже всего, не знала, что делать, говорить о нем Кириллу или лучше сделать вид, будто ничего не было.

Наверное, порядочнее сказать, но Ирина боялась, что не сможет произнести «Тебе звонила какая-то девушка» спокойно, без нотки истерики и подозрений, поэтому молчала. В конце концов, незнакомка не просила ее ничего передавать.

Не те проблемы, над которыми должна ломать голову счастливая мать семейства, но почему девушка не сказала, кто она? Сама Ирина, если звонила в семейный дом и попадала на жену, сразу представлялась и говорила, что ей нужно, а тут зачем-то секреты. Не хочешь – не отчитывайся, но имя свое назвать язык не отсохнет. Скажи, звонила Маша Иванова, и все. И муж пусть сам рапортует жене, что Маше Ивановой от него надо.

Ирина весь вечер была настороже, но телефон молчал. Может быть, случайность? Мимолетный каприз бывшей одноклассницы, которая, положив трубку, решила, что нет и не надо? Или сослуживица хотела узнать чей-то телефон... Господи, какие в горячем цеху сослуживицы? У нас хоть и равноправие, но все-таки женщин среди кузнецов пока еще ничтожно мало.

Может, случайная знакомая, а может, и нет. Не любовница еще, просто девушка, которая решила прощупать почву.

Ирина выпрямилась и поймала свое отражение в зеркальной дверце шкафа. Господи, какой ужас! Толстая, красная, потная бабища в линялом халате. Если сейчас вдруг Кирилл вернется раньше времени и увидит ее такой, его просто стошнит, и очень трудно будет порицать его за это.

Он женился, чтобы спать с интересной привлекательной женщиной, а она распустилась и лишила его такой возможности, так что нечего винить мужа в том, в чем виновата сама.

Ирина почувствовала на глазах злые едкие слезы. Это ей расплата, что была любовницей женатого мужчины и мечтала увести его из семьи. Вспомнить стыдно, как она тогда была готова поверить в бога, лишь бы только вымолить себе любовника в мужья. А чувства жены – что вы, о чем вы, чем хуже и больше

будет этой суке, тем лучше. Пусть знает, как зажимать чужое счастье!

Теперь пришло ее время быть постылой женой, которая всем мешает.

Плача, Ирина домыла пол, развесила тряпку на балконе, потом тщательно умылась, надела новый халатик и заплела волосы в косу-колосок. Стало не намного лучше, ну да ладно. Семья держится не на одной только привлекательности жены. У них с Кириллом общий ребенок, он усыновил Егора, и вообще надо помнить, что мужчины относятся к изменам совершенно иначе, чем женщины. Для женщины роман – это всегда надежда на общее будущее, а для мужчины – просто приятный момент. Когда изменяет мужчина, он чувствует примерно то же, что женщина, когда съест в гостях кусочек торта. Вроде бы нельзя, но если очень хочется, то можно, и, в конце концов, не каждый же день!

Кирилл – поэт, то есть человек творческий, надо ему, наверное, для вдохновения накал страстей и прочее такое. Будет увлекаться, заводить романы, но практика показывает, что если мужчине дома хорошо и уютно, то он никуда не уйдет.

Придется стараться, обеспечивать комфорт и изо всех сил делать вид, что ничего не замечаешь, потому что альтернатива какая? Вот именно. Развод и одиночество.

Ирина все-таки поставила тесто на пироги, так что, когда Кирилл с Володей вернулись с прогулки, с кухни чуть слышно пахло свежими дрожжами.

Ирина развернула одеяло. Сын сладко посапывал, ручки и пяточки теплые, а подгузник мокрый, но тоже теплый.

Она быстро перепеленала Володю и уложила в кроватку на чистую, пахнущую утюгом фланелевую пеленку. Сын нахмурился, деловито пожевал губами, но продолжал спать. Ирина улыбнулась, и дурные мысли улетучились из головы.

Она села на пол возле кроватки и просто смотрела, как спит ее дитя.

Заглянул Кирилл и трагическим шепотом возвестил, что «лезет тесто», Ирина опомнилась, побежала в кухню, где ноздреватая масса нагло выглядывала из-под крышки, бросилась обминать, потом вспомнила, что надо еще пожарить

котлеты и хорошо бы успеть все сделать до прихода Егора из школы, и закрутилась, и почти успела, но бедный ребенок вернулся в таком состоянии, что мысли о еде вылетели у нее из головы.

Егор вошел в кухню понурый и зареванный и, всхлипывая, сказал, что получил двойку по математике.

- И все? - выдохнула Ирина.

- Двойку! Мама, двойку!!!

- Дело житейское, - сказал Кирилл.

- И вы меня не будете ругать?

- А надо?

- Мам? Учительница сказала, чтобы я сразу признался, пусть родители знают, что я плохой сын.

Кирилл засмеялся:

- А какая связь вообще?

- Что?

- Егор, ты же умный человек, сам подумай, какая связь между двойкой и плохим сыном. Ладно, сам скажу, что никакой.

Ирина притянула Егора к себе и крепко обняла.

- Но двойка - это же очень плохо, - всхлипнул Егор ей в плечо.

- В принципе да. Плохо, но неизбежно, - вздохнул Кирилл, - ибо без поражений не бывает побед.

Ирина взъерошила сыну волосы. Господи, двойка означает всего лишь, что ребенок плохо знает маленький конкретный раздел и надо его выучить. Все! Зачем накручивать тут какие-то дополнительные смыслы?

Не успевают дети прийти в школу, как им в нос тут же суют картину Решетникова «Опять двойка». Очаровательный шалопай стоит, сгорая от стыда, мать бессильно опустила на табуретку, сраженная шокирующей новостью, сестра-отличница сверлит негодника презрительным взглядом, даже младший братик-несмышленок прильнул к матери, давая понять, что ничего общего не желает иметь с этим придурком, и только пес, неразумное животное, радуется хозяину.

– Никто не идеален, Егор, – Кирилл достал из буфета тарелки, – и в жизни получается не все и не всегда, так что ж теперь?

– Не знаю...

– Тоже сессия у меня скоро, и очень может статься, что я ее завалю, так что, придется тебе меня плохим отцом считать? А мама по твоей логике меня вообще из дома выгонит, скажет, не нужен мне муж-двоечник, да и все тут.

Перед мысленным взором Ирины вдруг отчетливо предстала картина «Опять не тот приговор». Она, расхристанная, на пороге дома, из потрепанной дамской сумочки выглядывает горлышко винной бутылки. Чулки гармошкой, глаза долу, на щеках краска стыда.

Кирилл в отчаянии закрыл лицо руками, не в силах смириться с тем, что жена вынесла слишком мягкий приговор хулигану, Егор с ненавистью смотрит на мать, и даже маленький Володя тихо хнычет в ужасе, что безалаберный аист принес его в руки такой непрофессиональной женщины.

Ирина расхохоталась в голос.

Господи, рабское сознание укоренилось в нас так глубоко, что даже любовь к родным мы превращаем в кнут надсмотрщика!

Ну двойка, ну по математике, ну и ладно. А вдруг Егор вообще туповат, так что ж теперь? Сердиться на него, чтобы он был не только глуп, но и глубоко несчастен? Поставить ультиматум – или соответствуешь стандартам хорошего сына, или ты для меня не существуешь? И это, Егор, запомни, только ради твоего же блага!

Ирина снова засмеялась и расцеловала сына.

– Ты учишься не ради оценок, а ради знаний, понял?

– Еще бы это понимали педагоги, – проворчал Кирилл себе под нос.

Ирина принялась разливать суп по тарелкам. Что правда, то правда, телега всегда должна стоять впереди лошади, и отчетность прежде всего. Функция учителя – оценить и наказать или поощрить, а для получения знаний придуманы учебники. Полезнее, конечно, пол-урока пытаться ребенка, как фашист партизана, выбивать из него крупы знания, чтобы поставить двойку, или «вытянуть на троечку», чем увлекательно объяснять детям новый материал или решать с ними трудную задачу.

Повеселевший Егор унесся мыть руки, а Кирилл обещал после обеда напрячь свой гуманитарный ум и объяснить ребенку неувоенный материал.

Ирина вдруг подумала, что все ее спасательные круги на талии и щеки – это тоже всего лишь двойка, которая ничего не значит. Просто она похудеет, и все, а даже если и нет – все равно они с Кириллом муж и жена, самые близкие люди, принимающие друг друга со всеми недостатками. А девушка звонила, так бог с ней. Всего лишь легкий пинок по Ирениному спокойствию, расплата за ее собственные былые грехи. Подозревать Кирилла в изменах – это оскорбить его.

* * *

Ольга листала записную книжку. Опять придется все делать самой.

Потрепанные страницы испещрены телефонными номерами, где-то на правильную букву записано, где-то нет. Кто по имени, кто по фамилии, а есть и по роду занятий. Жаль только, что на «В» ни одного врача.

Листок с «К» выпал, спикировал на пол, Ольга подняла его и сунула, кажется, не на место. А, наплевать, давно пора переписать в новую, а то некоторые номера так выцвели от старости, что еле разберешь, а края тоже осыпаются, того и гляди ветхость украдет последние цифры.

В столе лежит прекрасная новая книжка в мягком переплете из кожзама, черная, с золотым тиснением. Муж урвал ее на какой-то международной конференции. С тех пор уже два года прошло, а руки так и не дошли ни у кого переписать.

Ольга привстала, чтобы этим заняться, да и опустилась назад в кресло-качалку. Наплевать.

Странно, все приличные люди имеют собственную, индивидуальную записную книжку, а она – нет. С детства так повелось, что телефоны всех своих подруг она должна была записывать в эту книгу, лежащую на тумбочке в коридоре, а дублировать было лень. Вот и приходится продирается сквозь каких-то Валериев Петровичей и тетя Надей в надежде найти нормального врача.

– Еще раз повторяю, ей надо идти в районную поликлинику, – муж наставительно поднял палец, – именно там несут за нее ответственность!

Ольга пожала плечами.

– Нужно сделать полное обследование, – продолжал муж, – взять анализы, флюорографию пройти, так где этим заниматься, как не в поликлинике по месту жительства? Там такие же врачи, и они именно за это деньги получают.

Чувствуя, что от словоблудия мужа у нее сейчас голова лопнет, Ольга с силой прижала кончики пальцев к вискам.

Муж в своем репертуаре. Неделю назад мама попросила его, юрисконсульта крупной больницы, устроить консультацию своей близкой подруге по поводу болей в колене.

Муж, естественно, ни с кем не договорился, зато теперь фонтанирует ценными советами.

- Что ты изображаешь? Я говорю, что надо делать и как будет лучше.

- Узнаю почерк мастера.

- Что?

- Ничего.

Да, это вполне в стиле мужа. Когда возникает проблема, неважно, касается она консультации врача, ремонта крана или чего-то посерьезнее, муж раздражается тирадой о том, насколько это актуальный вопрос, и как необходимо его решить, и как здорово они заживут после того, как все будет сделано. А после вдохновляющей речи совершает ряд бестолковых и вялых движений, которые несколько не приближают к результату, дай бог, если не делают хуже. На следующей стадии муж перекладывает ответственность на других - медицину, коммунальные службы, жену, тещу и всех остальных, кто только попадет под руку, и получается, что либо проблему решить невозможно в принципе, либо это не его дело.

В общем, это и не страшно, все советские женщины примерно так и живут и радуются, что не пьют. Только вот незадача: у Ольги с мужем одна специальность, и он любит потрещать с супругой о своих рабочих буднях, пожаловаться на тупое начальство, глупые законы и вообще на злых людей, у которых в жизни один интерес - подставить бедного юрисконсульта.

Увы, Ольга хорошо разбиралась в своей профессии. Вслух сочувствовала, кивала, утешала, но отчетливо видела, что проблема как раз в муже, который не радуется сотрудников особенно ничем, кроме словесного поноса и головной боли.

Нерешительность удивительным образом сочетается в нем с упрямством. Когда руководитель, устав от его творческих метаний, прямо приказывает выполнить то и то, муж начинает юлить и уворачиваться, лишь бы только не подчиниться.

Первое время Ольга наивно думала, что раз муж с ней делится, то ее мнение ему интересно, и в большинстве ситуаций она, неплохо помнившая хозяйственное и трудовое право, понимала, как лучше поступить, и говорила об этом мужу, но он по-детски делал все наоборот, и она поняла, что ему хотелось просто

поплакаться, а не получить разумный совет.

Все попытки убедить его, что он неправ, заканчивались ссорой, и постепенно Ольга перестала вникать, только утешала мужа и втихомолку сочувствовала главврачу, вынужденному терпеть не слишком умного, суетливого и нерешительного подчиненного.

– Ладно, я сама все устрою.

– Ей надо идти в поликлинику, и все, – повторил муж, и это попугайское упорство вдруг взбесило Ольгу.

Долдонит ей прописные истины, а маме боится сказать, что ничем не может помочь. В общем, понятно, потому что страшно представить, что мама с ними сделает, если они не решат проблему ее подруги. Это он с женой рассуждает про поликлинику, потому что знает, что она в конце концов все решит и казнь не состоится.

– Когда тебя просят что-то сделать, это значит надо сделать, а не обделаться! – выпалила она.

– Оля, что ты говоришь!

– То и говорю, что две вещи только ты умеешь – засрать и обосраться! – как можно более грубо постаралась крикнуть Ольга, бросила в лицо мужа записную книжку, отчего та разлетелась по всей комнате ворохом листков.

И выскочила в кухню. Руки тряслись то ли от ненависти, то ли просто от злости.

Ольга схватила с полочки сигареты, распахнула форточку и закурила, сломав о коробок штук пять спичек.

Глубоко вдохнув, она закашлялась с непривычки.

Как тяжело, когда хочешь опереться на человека, а рука соскальзывает в пустоту.

И злобно на душе, и стыдно, что не сдержалась.

Муж заглянул в кухню, только когда она докурила почти до фильтра.

- Ты уж слишком...

- Да, прости.

- Но я все понимаю.

Он обнял ее, притянул к себе, погладил по макушке.

- Я не сержусь, Олечка. Ты просто еще не пришла в себя.

- Прости меня. Я постараюсь.

Все-таки он добрый человек и любит ее. Понимает и прощает эти безобразные вспышки. Ну а что не слишком хороший специалист – пусть об этом волнуется его руководство, а Ольге и дела нет. Главное, они вместе, муж и жена, и он никогда ее не бросит, будет с нею и в горе и в радости. Он принимает ее такой, как она есть, со всеми недостатками, которых наверняка гораздо больше, чем ей кажется, и Ольга обязана сделать то же самое для него.

* * *

Полина пробежалась по квартире. Все чистенько, нигде не пылинки, Зоя Михайловна прибралась на славу. Она еще приготовила обед на два дня, но борщом и котлетами потчевать гостя, естественно, не будем.

Скромно, по-европейски, печенье, сыр и кофе. И позже по бокалу вина. Сразу надо задать правильный тон.

Никаких кухонных посиделок, долой эту пошлость, примем гостя в рабочем кабинете, ведь это деловая встреча, а там уж как пойдет.

Полина усмехнулась. Как все-таки прекрасно, что мать уехала в ГДР передавать тамошним танцовщикам премудрость русского балета. Хорошей девочке полагается тосковать, скучать по маме, а она так и не загрустила, хоть мама уехала полгода назад. Заставляет себя, а никак, потому что без вечно поджатых губ матери и упреков, что «жизни не видела из-за твоих болезней», реально легче дышится.

Она посмотрелась в зеркало. Стройная девушка в черных брюках и черной маечке, волосы расчесаны на прямой пробор. Это ее стиль еще со школы, и менять она ничего не собирается хотя бы потому, что люди, не способные оценить этот аристократический шик, ей неинтересны.

Кирилл Мостовой должен все понять правильно.

Полина склонила голову на плечо, кинула своему отражению короткий ускользающий взгляд и облизала губы.

«Ах, Кирилл, сколько лет судьба вела нас к этой встрече», – прошептала она. Нет, рано. Пока рано.

Полина влюбилась в Кирилла Мостового даже не по фотографии, а по карандашному рисунку. В четырнадцать лет она в очередной раз лежала в больнице Раухфуса с очередной непонятной болезнью. Палата была большая, как спортзал, коек на десять, занятых в основном малышней, но одна соседка оказалась очень интересной.

Эли, как она предпочитала себя называть вместо банальной Лены, была уже сформировавшаяся девушка с горбоносым лицом, которое могло быть красивым, если бы не густо усеивающие его юношеские прыщи. Она тоже одевалась во все черное, но вообще уделяла очень мало внимания своей прическе и одежде. Целыми днями напролет она читала, как Полина сначала думала, свои дневники, но вскоре выяснилось, что это роман «Мастер и Маргарита», полный текст которого Эли собственноручно переписала в несколько тетрадок по девяносто шесть листов.

На следующий день родители передали принадлежности для рисования, и Эли принялась изображать то Азazelло, то Воланда.

Рука у нее была твердая, Полине нравилось наблюдать за ее работой, и Эли, поначалу отнесшаяся к мелкой соседке презрительно, оттаяла и стала рассказывать про дальнейшие приключения героев любимого романа. Это было немножко странно, потому что, увлекшись, Эли причислила себя к действующим лицам, но интересно.

Потом она нарисовала очень красивого молодого человека, Полина залюбовалась и спросила, кто это, решив, что очередной плод фантазий Эли, но неожиданно та сказала, что парня зовут Кирилл Мостовой и он существует, поет в рок-группе и страстно влюблен в Эли.

Полина развесила уши и до выписки слушала рассказы про ленинградский рок-клуб, почти правдивые, и про роман Эли и Кирилла, что было наглым и абсолютным враньем. Полина все понимала, но делала вид, что верит, и Эли тоже делала вид, что принимает этот вид за чистую монету, словом, между девушками воцарилась полная гармония.

Проведя в больнице почти две недели, девочки подружились. У них на самом деле оказалось много общих интересов, обе любили читать, писали стихи, а что Эли жила в мире своих фантазий, так это только веселее.

Они стали видеться, Эли провела Полину на несколько квартирников, но на Кирилла удалось посмотреть только издали. Сам он не подозревал, что Эли его возлюбленная, и никто другой не взял на себя труд представить ему девочек.

И все же Полина влюбилась крепко, пользовалась любой возможностью показаться ему на глаза, просиживала вечера в «Сайгоне», но как-то ни с кем не нашла общего языка и не сумела закрепиться в тусовке, а через год родители Эли получили работу в другом городе и семья уехала. Эли писала подруге длинные письма, но Полина ленилась отвечать. Зачем, ведь теперь Эли никуда не могла ее взять с собой.

Она сунулась как-то одна, но косматые мужики в косухах обозвали ее «малой» и прогнали. Так и сказали: «Слышь, малая, чеши отсюда».

Приходилось вечерами шлифовать тротуар Невского возле кафе в надежде на случайную встречу, но случая не представлялось.

Ах, как она была влюблена тогда, как замирало сердце... Как она мечтала о прекрасной минуте, когда Кирилл заметит ее и подойдет, влюбившись с первого взгляда точно так же, как и она в него. И все плохое сразу станет неважным и отпадет, как хвост у ящерицы, и начнется только счастье и блаженство.

Мечта о любви подарила ей способность писать. Полина излила свою тоску по Кириллу в стихи и быстро сделалась знаменитой.

Творчество и признание заполнили ее жизнь до краев, и первая любовь не прошла, но потеряла остроту и уже не могла так больно ранить ее сердце.

Самое время воскресить ее, только теперь уже на своих условиях.

Полина тряхнула головой. Волосы красиво переливались в свете настольной лампы. «Нет, я хороша. По-настоящему хороша, женщина, а не тупая матрешка».

Теперь Кирилл точно не сможет смотреть сквозь нее. Правда, говорят, он женат. Полина пожала плечами. Кто знает, насколько правдивы слухи, но, даже если и так, разве это важно? Жена – это что-то скучное и обыденное, пропахшее тоской и борщами, ненужная обуза, которую приходится терпеть. Пусть будет жена. Главное, это поцеловаться с Кириллом хотя бы раз, и тогда уж он от нее точно никуда не денется.

Звонок раздался в точно назначенное время. Полина впустила гостя, с легким разочарованием отметив, что он без цветов, и пригласила в кабинет, категорически запретив снимать обувь.

Зоя Михайловна завтра будет ворчать, что наследили, но она деньги получает за мойку полов.

– Пожалуйста, располагайтесь, – Полина указала на диванчик, – а я пока сделаю кофе. Вы, наверное, пьете крепкий, я угадала?

– Может быть, сразу к делу? – Кирилл мялся в дверях.

– Нет-нет, когда вы попробуете мой кофе, то сразу поймете, что отказываться было настоящим преступлением.

Мостовой пожал плечами. Высокий, широкоплечий, чем-то похожий на Штирлица, он был так же красив и притягателен, как прежде, но все же не такой, как она его помнила. Раньше он ходил как настоящий металлист, а теперь обычный скучный вид – пальто, брюки со свитером, стрижка под машинку. Все – советский ширпотреб. Только эта серость удивительным образом не портит его, а делает еще интереснее.

Полина вышла на кухню и возилась с туркой нарочно долго, чтобы Кирилл освоился на незнакомой территории.

Когда она вкатила сервировочный столик, Мостовой чинно сидел на краю дивана, будто аршин проглотил.

Полина наполнила из турки чашечку и подала ему. Фарфоровое изделие Ломоносовского завода смотрелось крохотным в его большой руке с длинными крепкими пальцами.

– Кофе необычайно вкусный, Полина Александровна. Действительно, я бы себе потом не простил, если бы отказался.

– Сахару?

Он покачал головой.

– Так, Полина Александровна, чему, как говорится, обязан?

Она, смеясь в нужных местах, рассказала, что была в редакции и там случайно сунула нос в не востребуемые рукописи и выудила стихи Кирилла Мостового. Они сразу привлекли ее внимание, а когда она увидела фамилию автора и вспомнила, как глупенькой несмышленной девчонкой фанатела от группы «Мутабор», то сразу заинтересовалась. Она и подумать не могла, что рокер пишет такие глубокие лирические стихотворения...

– Я у вас была на нескольких квартирниках и на даче... Но вы меня, конечно, не помните...

– Простите, Полина Александровна, – покачал головой Кирилл, – но нет.

Улыбнувшись, Полина развела руками:

– Тем не менее в память о бесшабашной юности мне хотелось бы вам помочь, Кирилл. Вероятно, я могла бы положить ваши стихи на стол главному редактору.

– Спасибо.

– Не хочу хвастаться, но мое мнение имеет определенный вес в этих кругах. Надеюсь, у меня получится уговорить Григория Андреевича включить ваши стихи в альманах «Невские этюды»...

– Я был бы вам очень благодарен, но мне, право, неловко, что вы тратите на меня свое время.

– Талантливые люди должны поддерживать друг друга, но это еще не все, Кирилл. Кроме публикации в альманахе, которая может пройти незамеченной нашими любимыми народными массами, я надеюсь составить вам протекцию в журнале, где публикуюсь сама.

Кирилл снова поблагодарил и осторожно поставил пустую чашку на столик.

– Может быть, по бокалу вина за грядущие успехи?

– Простите, думаю, что это лишнее.

Полина засмеялась, с удовольствием наблюдая, как Мостовой становится неловким и скованным. А глазки-то разгорелись, уже небось предвкушает славу и успех. Сейчас главное – не показать своего интереса. Наживку он заглотил, теперь никуда не денется.

Она запрокинула голову, давая ему возможность оценить свою тонкую длинную шею без единой морщинки.

– Ну, раз выпить не хотите, придется нам с вами как следует поработать.

На это Кирилл охотно кивнул.

Полина выпрямилась и нахмурилась, как строгая деловая женщина:

– В первую очередь нужно выбрать четыре лучших стихотворения, два я положу на стол редактору и два передам в журнал. Потом надо довести их до совершенства, чтобы у редакторов руки затряслись от вожделения. Ну и наконец вы напишете краткую автобиографию, а я – небольшой вам панегирик. Согласны вы с таким планом?

Кирилл все так же деловито кивнул.

Полина встала:

– Недели вам будет достаточно?

– Вполне.

Кирилл поднялся, рассыпаясь в благодарностях. Полина протянула ему руку ладонью вниз, надеялась, что поцелует, но он ограничился быстрым рукопожатием.

На пороге Полина не удержалась, быстрым, почти неуловимым жестом смахнула несуществующую пылинку с его шарфа. Кирилл в сотый раз сказал: «Спасибо, Полина Александровна», – и ушел.

«Обещал позвонить, как будет готово, – пробормотала Полина, упав навзничь на мамину кровать, – и что-то мне подсказывает, что ты несильно станешь с этим тянуть. Главное ты понял, Кирюшенька, что я – твой пропуск в мир славы и народного признания. Не угодишь мне, так и останешься чернорабочим на заводе, или где ты там пашешь. Спасибо, спасибо... Знаешь, свои спасибо куда засунь? Взрослый вроде бы человек, должен понимать, что за любовника женщина будет впрягаться, а за чужого мужика – ни при каких обстоятельствах. Даже за тысячу спасибо! Даже за миллион! Ладно, будем считать, что ты первый и последний раз тут дурака из себя строил».

Интересно, о чем он вообще думал? На... сколько там ему? На тридцатом году жизни еще верит, что когда девушка приглашает молодого человека пить чай, то на самом деле хочет чаю? Неужели бедняга Кирилл настолько наивен, что верит, будто кто-то реально станет суетиться исключительно ради умножения славы великой русской поэзии?

А если она ему не нравится? Полина засмеялась. Ничего, главное – лечь с ним в постель, а там уж она подарит ему такое наслаждение, от которого он никогда в жизни не сможет отказаться.

* * *

Старый хирург из ЦРБ, вызванный замещать Семена, пока он ездил на похороны матери, не спешил уезжать. Молча сидел в ординаторской в накинутах манер бурки тулупе и курил, стряхивая пепел в старую чашку Петри. Отчитываться ему было не в чем, за три дня, которые Семен провел в Ленинграде, никто не заболел и не поправился.

Семен думал, что этот тощий жилистый старик найдет в его работе кучу недостатков, но хирург, возвращая пачку историй, сказал только: «Добро, добро...»

Заглянул механизатор Калюжный и стал канючить, что хочет домой.

– В палату иди, – цыкнул хирург.

– Но я нормально себя чувствую.

– Так, Калюжный, здесь я врач и я решаю, кто здоровый, кто больной.

Вихрастая голова исчезла.

– Завтра выпишешь его. Леня было с эпикризом возиться, – сказал старик и глубоко затянулся. – Ты что сидишь-то? Доставай давай.

Семен заглянул в шкаф. Местные были люди благодарные, носили ему то десяточек яиц, то молочко, то шматочек сала, то картошку, но алкоголь дарили редко, сами испытывая в нем острую потребность. К счастью, с лета стояла на верхней полке бутылка хорошего коньяка – благодарность дачников за ущемленную грыжу.

– Летучий пленник, запертый в стекле, – улыбнулся он, – напоминает в стужу и мороз, о том, что лето было на земле[1 - В. Шекспир, сонет № 5, пер. С. Маршака.].

– Наливай, шекспировед. Больно ты культурный для этих мест.

У Семена не было рюмок, и он сходил на пост, взял две мензурки толстого зеленого стекла. От них тянуло лекарством, но Семен решил, что ничего страшного.

– Ну, помянем, – сказал старик, – пусть земля пухом.

Семен молча выпил, зная, что это не поможет.

– Ты как вообще, держишься?

– А куда деваться? Вы уедете, так кто-то должен здесь остаться.

– Вот и правильно.

Хирург быстро наполнил по второй, заметив, что с этим делом вообще надо быть поаккуратнее.

– Да я уж понял.

– Смотри, не увлекайся, горе не заливай.

– Не буду. Я вообще как-то не верю, что это по-настоящему и ничего уже не исправить.

– Понимаю тебя.

– А вы еще раз сможете подменить? – спросил Семен. – Не сейчас, ближе к весне?

Хирург пожал плечами и уставился в окно:

– Не знаю, парень. Не буду обещать. Через пару недель – пожалуйста, а дальше не знаю. А что тебе?

– Да вот машину хочу на рынке купить. Мне мама, оказывается, копила, – Семен глубоко вздохнул, чтобы не расплакаться, – надеялась, что буду возить ее сюда на выходные... Деньги собрала и умерла. Так тут и не побывала.

Старик молча покачал головой.

– И я не успел. Все думал, что как-нибудь отпрошусь, подменюсь, может, и все откладывал, откладывал... И вот не успел.

– Да, без машины тут тяжело, – невпопад вздохнул дед.

– А с другой стороны, теперь зачем? Теперь мамы нет, можно ехать работать куда хочешь. В Комсомольск-на-Амуре вот звали... Просто никак не пойму, что больше меня здесь никто не ждет.

– А ты хочешь отсюда уехать?

– Ну конечно! Здесь будущего нет.

– А, ясно, – старик ухмыльнулся и снова налил.

Семен взял из его пачки папиросу, почему-то решив, что если покурит, то не так быстро опьянеет.

– У меня рак, Сеня, – сказал хирург, – три операции я перенес, можно сказать, бежал от смерти, как от голодной собаки, кидая ей куски своего тела, но сейчас

уже неоперабельно. Поэтому я и не уверен, что смогу тебя подменить ближе к весне, так что про «будущего нет» это ты кому другому расскажи.

- Извините, - смутился Семен.

Но хирург бодро махнул рукой:

- Осталась мне пара месяцев, наверно, но сегодня я жив точно так же, как и ты.

- А я, с другой стороны, завтра могу поскользнуться и шею себе сломать.

- Вот именно. Будущего, Сенечка, нет вообще ни у кого. Есть настоящее, им и живи.

Они подняли свои мензурки и сильно, от души чокнулись.

- Женись на хорошей девушке, и найдешь счастье даже в этой глухомани. Я ведь тоже сто лет назад подавал большие надежды. Тоже был мальчик из хорошей семьи, наукой занимался, а потом война, и полетел я на нее заурядврачом. После победы хотел восстановиться, доучиться шестой курс, в ординатуру поступить, но куда там... Новая поросль подошла, и оказался я в деревенской больничке, и ни одного дня об этом не жалел.

- Хотел бы и я так. Но только у меня уже диссертация была написана! Почти.

- А защититься не дали?

- Не дали.

- А дали бы - что изменилось?

Семен озадаченно взглянул на старика.

- Третий глаз у тебя открылся бы? Или что? Да ничто, только в заднице бы засвербило, что пора докторскую писать. А тут ты настоящее дело делаешь.

– Угу, – хмуро буркнул Семен. – Алкашам слюни утираю.

– Однако ж ты не мог просто так взять и уехать. Меня прислали.

– И что?

– Стало быть, нужен ты здесь. А на кафедре – сваливай хоть на месяц, никто и внимания не обратит.

Выпив, Семен подумал, что дед, пожалуй, прав. Завтра он протрезвеет и снова станет с тоской заглядывать в свое безнадежное будущее, жалеть об упущенных возможностях, и пытаться понять, что мамы больше нет, и терзаться, что упустил эти последние полгода, когда мог быть рядом с нею. Будет злиться на Полину Поплавскую, из-за которой произошла их разлука, словом, отчаяние снова зажмет его в свои тиски.

Но это все завтра, а сегодня он понимает, что у него ничего нет, кроме этой минуты.

* * *

Володя заплакал, и Ирина дала ему грудь. Это было, конечно, неправильно, все авторитеты, включая ее собственную маму, твердят, что кормить надо строго по часам, а в остальное время вообще не подходить к ребенку. Пусть плачет, привыкает, что жизнь – суровая штука. Ирина слушала, теоретически соглашалась, но делала по-своему. Жизнь действительно не пряник, так что нечего самой прибавлять этой жизни суровости.

Сын ел, а Ирина смотрела на спящего мужа. В отблесках уличных фонарей лицо его казалось незнакомым, будто кто-то чужой прилег на ее постель.

Да и постель не ее, здесь все чужое. Дом, в котором она не росла, мебель, которую не покупала. Просторная кладовка забита старым хламом, как у всех, но это хлам Кирилла, а не ее. Свой она вынесла на помойку при переезде.

Ей некуда отсюда уйти. Ирина вздохнула.

Володя уснул, выпустил грудь и засопел, сосредоточенно хмурясь. Ирина осторожно положила его в кровать, а сама вышла на кухню – попить чаю с молоком для лучшей лактации. Ну и с печеньем, что уж стесняться. Уже все равно.

Хоть и не было тому никаких прямых доказательств, но Ирина почти не сомневалась, что муж ей не верен. Влюбился в кого-то и или уже изменяет, или только собирается. Снова звонила девушка, просила Кирилла, и по тому, как издевательски она растягивала слова, Ирина поняла: она прекрасно знает, что его нет дома, просто хочет поиздеваться над обманутой женой.

И только удалось убедить себя, что это ничего не значит, как Кирилл задержался якобы на работе и пришел домой поздно, явно пахнувший духами «Пуазон», отвратительными, но модными.

И это можно было бы как-то объяснить, только Кирилл всегда был с нею честен, не привык обманывать, поэтому не сумел произнести «я задержался на работе» хоть сколько-нибудь правдоподобно.

Ирина сделала вид, что верит, и молча накормила мужа, а потом легла рядом с ним, но ничего не случилось. Кирилл нежно поцеловал ее, отвернулся и уснул.

Все эти поздние возвращения, следы чужих духов, звонки... Сами по себе они ничего не значат. Нормальная женщина на них и внимания не обратит, если не чувствует древним первобытным инстинктом, что муж к ней переменялся. Неверный муж может соблюдать конспирацию не хуже Штирлица, но нельзя скрыть от жены, что больше ее не любишь и мысли твои заняты другой.

Последнюю неделю Кирилл сам не свой. Хмурый, рассеянный... После рождения Володи муж, вернувшись с работы, сразу включался в хозяйство, так что Ирине приходилось гнать его на диван или за письменный стол, а теперь он дежурно спрашивает, нет ли для него поручений, и уходит сидеть над своими бумагами.

Допустим, Кирилл врет, потому что снова ходит в свой рок-клуб и не хочет, чтобы она об этом знала. Но зачем скрывать, если Ирина тысячу раз говорила, что не против, а, наоборот, очень даже за. Да и пахло бы от него после сейшена, прямо скажем, совершенно по-другому.

Она налила себе чайку, щедро добавила молока из бумажной пирамидки и протянула руку к вазочке с сухарями.

Все равно уже. Потеряла привлекательность, так и без разницы, сколько весить, восемьдесят килограммов или сто.

У нее двое детей, так что выступать со сценами ревности нельзя. Егор привязался к Кириллу, относится к нему как к отцу, кто знает, как в нем отзовется новое мужское предательство? Родной папа бросил, а новый мамин муж сначала стал родным папой, а потом тоже бросил... Нет, такие перегрузки не нужны детской психике.

Придется терпеть, изо всех сил не замечать очевидного, потому что если она ткнет Кирилла носом в доказательства его неверности, то тут два варианта. Или он с облегчением предложит развод, или просто перестанет стесняться. Детям нужен отец, поэтому будем жить как жили, но от любовницы я отказываться не собираюсь. Терпи.

«Дорогая Ирина Андреевна, – усмехнулась она, – а ведь когда вы сами валялись с женатым мужиком, вы же его нисколько не порицали. Наоборот, он казался вам очень умным и порядочным, это жаба-жена была во всем виновата. Так и оставайтесь объективны, не катите теперь бочку на своего мужа».

* * *

Наконец до Ольги дошла очередь читать сборник зарубежного детектива. Улегшись в кровать, она с нетерпением раскрыла слегка потрепанный томик, но буквы оставались буквами, слова – словами, и в текст не получилось окунуться, как в море.

Ольга попробовала другую повесть – и снова ничего.

Неужели она навсегда утратила способность погружаться в книгу? Если так, тогда беда.

Вошел муж, театрально поежился и направился к окну:

– Милая, давай все-таки закроем форточку!

Ольга закатила глаза. Она не понимала, как это человеку может не хватить одного «нет», зачем снова и снова возвращаться к тому, что решено?

Сама она с детства приучена, что нет – значит нет. Спасибо маме, которая никогда ни при каких обстоятельствах не поддавалась на уговоры. Как сказала, так и будет. В детстве Ольга страдала, зато теперь никогда ни перед кем не унижается и не канючит. Чужое решение – такое же обстоятельство, как погода, надо его учитывать, а менять бессмысленно.

Наверное, именно это качество помогло ей быстро продвинуться по карьерной лестнице.

Другое дело муж. Вроде бы тихий, неконфликтный человек, со всем соглашается, а на самом деле глаз высосет, пока своего не добьется. Даже помирашки устраивает, как бабка старая.

– Мы же договорились, что спим при свежем воздухе, – буркнула Ольга.

– Ну да, но все-таки холодно и сквозняк, – продолжил канючить муж. – Нас продует, дорогая.

Бабка и есть бабка.

– Не выдумывай, там щелка три миллиметра.

– И через нее очень сильно сифонит.

– Слушай, но мы же решили! – рассердилась Ольга. – Самому ведь приятнее проснуться со свежей головой.

Муж кивнул, но от окна не отходил.

– Научными исследованиями доказано, – начала Ольга, стараясь держать себя в руках, – что в спальне должно быть не выше четырнадцати градусов, тогда происходит максимально здоровый сон. И мы, кажется, выяснили, что ты

можешь взять дополнительное одеяло, если тебе холодно, а если мне душно, то я ничего с этим сделать не могу, поэтому справедливо спать при открытой форточке.

Помолчав немного, муж шмыгнул носом, потом еще раз. Получалось не слишком убедительно.

– Похоже, я уже простыл. Давай все-таки закроем, дорогая? Ты же не хочешь, чтобы я разболелся?

Ольга захлопнула книгу и отвернулась, бросив: «Да подавись!»

Раздался стук затворяемой форточки, и Ольгу затрясло от злости. И слово это дурацкое «простыл»... Из лексикона бабок, нормальные люди говорят «простудился». Нет, так нельзя. Надо быть настоящей женщиной, доброй и уступчивой, и заботиться о своем муже. А что было, то прошло, и пора вырвать все воспоминания, как вредоносный сорняк.

Забравшись под одеяло, муж прижался к ней с вполне определенными намерениями.

– Боря, я не хочу.

– А мы легонько. Я буду очень осторожным, не бойся.

– Я еще не готова.

– А тебе не кажется, что пора?

– Нет.

– Но уже достаточно времени прошло...

– А тебе не кажется, что это мне решать?

Муж обиженно засопел:

– Иногда я думаю, что ты меня просто не любишь.

Ольга не ответила.

– И никогда не любила.

Она села на кровати.

– Я, в конце концов, тоже человек, и у меня тоже есть потребности, но это, похоже, никого не волнует! Может, тебе было бы легче, если бы меня убили?

Ольга знала, что надо немедленно обнять мужа, сказать, что любит его, и отдаться, но она словно окаменела.

...Отпуск им, как бездетным, дали в ноябре, и они взяли путевки в Пицунду, уговорив себя, что это еще не безвременье, а самый конец бархатного сезона.

Впрочем, Ольга так вымоталась на работе за год, что ей и не нужно было никаких купаний и прочих летних радостей. Трехразового питания и долгих прогулок вполне хватало.

Как только заселились, она сразу пошла в местную библиотеку и набрала там кучу книг.

Целых десять дней она была не то чтобы счастлива, но совершенно безмятежна, пока не решила вытащить мужа на романтическую прогулку. Темная южная ночь, плеск волн, Млечный Путь и ковш Большой Медведицы – что может быть лучше, чтобы вспомнить, что они еще молоды и любимы?

И забрели-то они не в самое глухое место, но нарвались на троих подонков, то ли пьяных, то ли, того хуже, одурманенных наркотиками.

Борис отдал им деньги и часы сразу, но мужики схватили Ольгу и повалили на песок. Ночь, темно и пусто, стесняться некого.

Она отбивалась из последних сил, орала до хрипоты, и, в конце концов, ее услышали. В самый последний момент, когда она уже ни на что не надеялась, появились какие-то ребята, кажется, их тоже было трое, и насильники убежали.

Ей должно было быть очень страшно и больно, но Ольга чувствовала только ужас оттого, что муж, самый любимый и родной человек, стоит неподвижно, с белыми от страха глазами. Он ничего не сделал, чтобы защитить ее, не попытался даже ударить, просто стоял, как замороженный глядя на нож, которым перед ним помахивал один хулиган, пока другие двое заваливали Ольгу.

Он даже не кричал.

Потом он утешал ее, жалел, опекал с нежностью родной матери, а Ольга снова ничего не чувствовала, кроме тошноты от кислого запаха страха, исходившего от него.

Все оставшиеся до отъезда дни она пластом пролежала в номере, потому что хулиганы помяли ее довольно сильно. На теле живого места не осталось от синяков, и голова тоже была какая-то чугунная, не своя.

Муж носил ей чаек, мазал мазью «Арника» и ворковал, что иначе, чем он, поступить было никак нельзя. Куда бы он попер один против троих? Его бы сразу убили, прежде чем он бы что-то успел, а потом и с ней бы не стали церемониться. Пролитая кровь развязала бы негодьям руки, и ее они тоже не оставили бы в живых. Он очень хотел уберечь ее и обязательно бы вступился, если бы напали не трое, а хотя бы двое.

Ольга слушала и думала, что он, пожалуй, прав. Одиночка против стаи не имеет шансов. Потом, бандиты – примитивные существа, не способны думать дальше своих инстинктов. В тот момент их обуял половой инстинкт, они хотели бабу, а муж был всего лишь досадным препятствием. Пока тихо стоит, не мешает, пусть живет. Сразу трое все равно на бабу не залезут, один может и покараулить. А вот муж сопротивляющийся не дает никому приступить к делу, надо его уговорить. Ну а уж раз мужика пришлось кончить, то и бабу порешим.

К отъезду она уговорила себя, что муж действительно не мог поступить иначе. Да, она билась и боролась, но ей не приставляли ножа к горлу.

И вовсе он не оцепенел от страха, а проявил разумную выдержку и поступил абсолютно правильно, иначе они оба были бы уже мертвы.

А потом был так ласков, так предупредителен и нежен с нею, как не может плохой человек. Он мог бы чувствовать к ней отвращение, как к сломленной, оскверненной женщине, но он ни на секунду не показал, что стал относиться к ней как-то иначе, чем раньше.

Через ее руки прошло столько уголовных дел, когда человека убивали за то, что он защищался, что она просто не имеет права осуждать собственного мужа. Герои-победители бывают только в книгах и фильмах, а в жизни они гибнут до того, как совершают подвиг.

Ее муж – обычный человек, со своими достоинствами и недостатками, просто из-за пережитого потрясения она видит в нем только плохое, но скоро это пройдет.

* * *

Полина не любила Дом писателей. Ей казалось, что в этом светлом здании, снаружи и внутри похожем на торт, нельзя создавать настоящие произведения, все должно выходить веселенькое, кудрявенькое и в розочку. Наверное, когда тут ходили пропахшие порохом революционные матросы, царапая мрамор штыками своих винтовок, то зефирные интерьеры только подчеркивали величие перемен, а теперь бродят скучные, унылые люди, вслух восхваляющие советскую власть, а украдкой лелеющие в себе жиденькие дворянские корни, и красота оборачивается невыносимой пошлостью.

По этой же причине Полине не нравилось бывать и в Эрмитаже, и в Кировском театре: будто проваливаешься в небытие, в эпоху, которая прошла и больше не существует.

Исключением был Дворец пионеров: там почему-то не чувствовалось, что это бывший императорский дворец. Полина несколько раз приходила туда выступать в литературном клубе «Отвага» перед юными дарованиями. Приятно было видеть, с какой глупой серьезностью они слушают, с какой нелепой восторженностью рассуждают, и понимать, что сама она никогда такой дурочкой не была, в двенадцать лет уже видела жизнь как она есть.

Надо будет после каникул туда наведаться...

Отдав шубку гардеробщику, Полина направилась в конференц-зал. Сегодня праздничный вечер по случаю наступающего Нового года, и на торжественную часть не прийти нельзя, а на банкет Полина никогда не оставалась. Надо хранить свой образ воздушной девушки не от мира сего, а не хлестать водку вместе со всякими колхозниками от литературы.

Она зашла в туалет. Перед широким зеркалом поправляли макияж две тумбообразные тетки, затянутые в бархат. На Полину они даже не взглянули – серьезные жены серьезных мужей. Чего стоит какая-то там поэтесса по сравнению с их номенклатурными возможностями.

Полина подошла и встала между ними. Получился неплохой триптих – две размалеванные пестрые кучи и посередине она – тонкая, как веточка. Талию можно двумя пальцами обхватить.

Даже ради праздника она не изменила черному цвету. Любимый бадлон, только сегодня вместо черных джинсов – прямая черная юбка, неохотная уступка общественному мнению. Ну да ладно, пусть посмотрят в кои-то веки на ее изящные лодыжки.

Никаких башен из лака она на голове вертеть не стала, как обычно, расчесала волосы на прямой пробор. Перед выходом надела тонкую золотую цепочку с кулоном в виде цветка, и этого достаточно.

Полина отвела прядь волос за ухо и чуть пожевала губами, чтобы стали ярче. Нет никакого обмана зрения – зеркало отражает элегантную девушку, очевидно, самую красивую в Доме писателей сегодня. Почему же Кирилл не соблазнился?

Поморщившись от неприятного воспоминания, Полина вышла в коридор и уловила легкий запах кофе, доносящийся из буфета, что ж, сегодня она чуть не рассчитала время и приехала раньше, чем собиралась, так что успеет выпить чашечку до начала нудной говорильни.

Возле прилавка змеилась очередь, но это, конечно, не являлось препятствием для нее. Как только Полина вошла в буфет, так отовсюду сразу замахали,

закричали: «Идите к нам!», но проворнее остальных оказался Григорий Андреевич. Он словно материализовался из воздуха и захлопотал, так что через секунду она уже сидела за круглым столиком, накрытым длинной белой скатертью, и цедила ароматный, но кислый кофе.

– Как хорошо, что мы встретились, – редактор заглянул ей в глаза, – а то я уж думал вам домой звонить.

– Что-то не так с моей рукописью?

– Нет-нет, все отлично, не беспокойтесь. Я о другом. Помните, я вас просил представить публике одного молодого поэта?

Полина нахмурилась. Еще бы она не помнила!

Прошла оговоренная неделя после их встречи, но Кирилл не давал о себе знать, а первой звонить было никак нельзя. Ты никогда не делаешь шагов к человеку, чья судьба в твоих руках, это он должен ползать перед тобой на коленях.

Несколько дней Полина провела, вздрагивая от каждого телефонного звонка. Порой ожидание так утомляло ее, что она уходила из дома специально, чтобы думать, что вот он сейчас звонит, а ее нет.

Странно, обычно волнения и любовные переживания вдохновляют на творчество, но ей писать совершенно не хотелось. Ни мыслей, ни образов, только сосущая пустота внутри.

Зато она написала два длинных программных стихотворения о комсомоле, давным-давно заказанных ей журналом и кои редактор уже почти отчаялась из нее выбить.

Полина не удержалась, все-таки два раза позвонила Кириллу в те часы, когда он заведомо был на работе. Отвечал молодой женский голос, один раз Полина расслышала плач младенца, и настроение сразу испортилось.

Потом она вспомнила популярную поговорку, что жена не стена, можно отодвинуть, и повеселела. Пусть Кирилл киснет возле своего душного

домашнего очага, а она подарит ему настоящее чувство.

Наконец он позвонил и сказал, что, кажется, сделал четыре стихотворения, за которые не стыдно. Полина выдержала паузу, во время которой переворачивала листы воображаемого ежедневника, и пригласила его в гости «скажем, послезавтра в восемь».

Только Кирилл не с восторгом согласился, а сказал, что ему неловко доставлять ей лишние хлопоты, поэтому он принесет рукопись куда-нибудь на ее маршрут или кинет в почтовый ящик.

- Но я хотела бы обсудить ваши стихи, прежде чем положу их на стол редактору.

- Давайте я в редакцию подъеду или приглашу вас в кафе.

- В редакцию вас не пропустят, а в советский общепит я, извините, брезгую.

В конце концов удалось втолковать Кириллу, что нигде не будет ей удобнее, чем у себя дома.

Кирилл пришел с дежурными розовыми гвоздиками, подал пластиковую папку с рукописью, которая на этот раз была отпечатана аккуратно и чистенько, и снова сел на краешек дивана, как аршин проглотил.

Полина устроилась рядом, под предлогом того, что они оба должны видеть строчки, прислонялась к его плечу, чувствовала жесткие мускулы, и ей было глубоко плевать, что написано на этой жалкой бумажке.

- Может быть, добавить немного энергии? - спросила она наобум. - От этого произведение только выиграет.

- Полина, - спокойно, но уверенно возразил Кирилл, - я много работал над этими стихами, и мне кажется, что довел их до того состояния, когда надо или оставить как есть, или выбросить.

- Согласна, идеальность убивает жизнь. - Полина засмеялась и положила руку ему на колено.

Еще секунда, и он не устоит, набросится на нее, и тогда все, можно праздновать победу.

Кирилл поднялся:

- Извините, Полина Александровна, мне пора идти.

- Куда же вы так торопитесь?

- Надо купать ребенка. Сами понимаете, режим...

- Но мы ничего толком не обсудили!

Он пожал плечами:

- Что обсуждать? Я свою работу сделал, а дальше вы сами решайте, показывать ли рукопись.

- А моя статья о вас?

- Я вам полностью доверяю, Полина Александровна. Еще раз спасибо, что заинтересовались моей скромной персоной.

Полине удалось продержаться на лице любезную улыбку до того момента, когда за Кириллом закрылась дверь. Но потом она отошла в глубь квартиры и разрыдалась горько, как в детстве, когда казалось, что это еще может помочь.

Она не плакала с тринадцати лет, наверное, поэтому ей стало легче.

Полина готовилась к трудной ночи, полной отчаяния, но неожиданно крепко заснула, видела хорошие сны, а утро принесло спокойствие. «Обойдусь», - прошептала она и вдруг поняла, что действительно обойдется.

...Григорий Андреевич заглянул ей в глаза:

- Так что, Полина Александровна?

Она нарочито медленно поднесла чашку к губам и сделала крохотный глоток.

- Откровенно говоря, я надеялась, что вы сами выяснили это недоразумение.

- Простите?

- О, так вы до сих пор не знаете? Во всяком случае, я верю, что не знали, когда предлагали мне поставить свое имя рядом с именем этого фашиста.

Умильная подобострастность мгновенно сошла с лица редактора, взгляд серых глаз сделался суров:

- Вам точно это известно?

Полина тяжело вздохнула и развела руками.

- Надо же... А я был уверен, что это примерный рабочий.

- Григорий Андреевич, о таких вещах люди обычно в автобиографии не пишут.

- Но, судя по его стихам, это вполне зрелый, тонко чувствующий человек.

- Мне тоже так показалось, но, к счастью, я навела справки, и выяснилось, что этот тонко чувствующий на самом деле матерый неформал, фашист, который многократно пытался опубликовать свои произведения на Западе. Григорий Андреевич, если вас это не смущает, то это ваше дело, но лично я не хочу иметь с фашизмом ничего общего. Просто абсолютно ничего!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

В. Шекспир, сонет № 5, пер. С. Маршака.

Купить: <https://tellnovel.com/mariya-voronova/sama-vinovata>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)